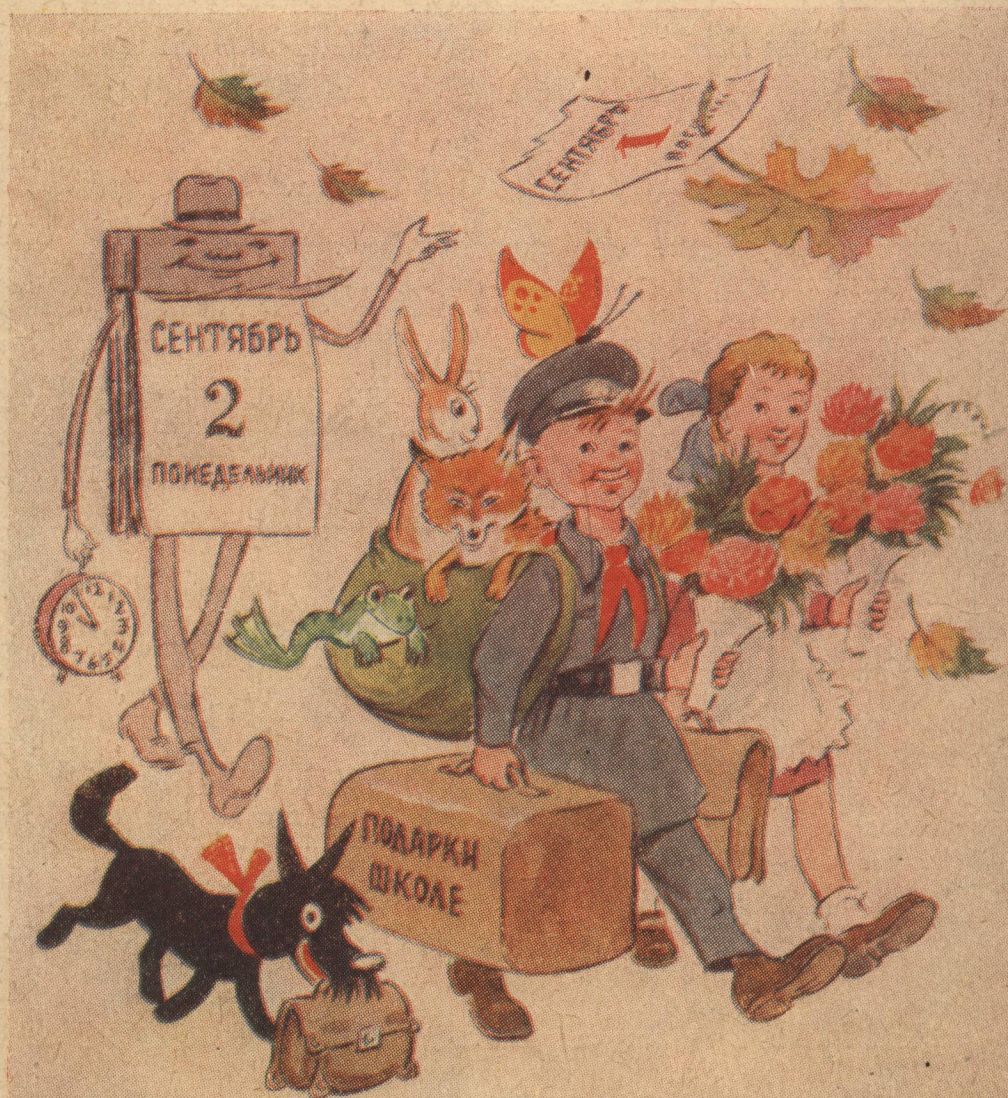


Искорка

9



ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

ПЕСНЯ ТИМУРОВЦЕВ

Музыка Ник. Агафонникова

Слова Ник. Щербакова

В темпе
марша



(Текст песни на 3-й стр. обложки)

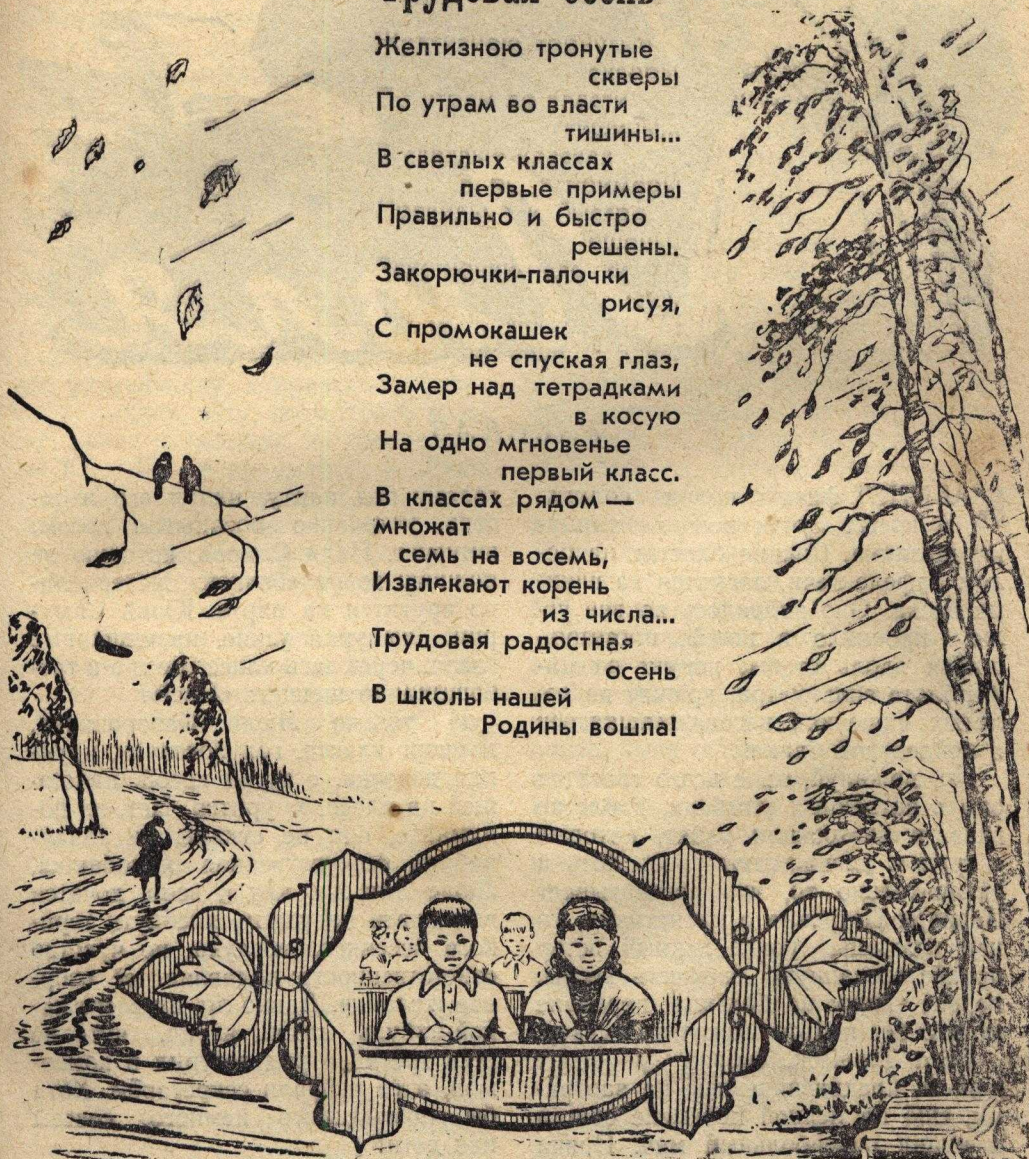


Г. Тумаринсон

Рис. А. Илючека

Трудовая осень

Желтизною тронутые
скверы
По утрам во власти
тишины...
В светлых классах
первые примеры
Правильно и быстро
решены.
Закорючки-палочки
рисуя,
С промокашек
не спуская глаз,
Замер над тетрадками
в косую
На одно мгновенье
первый класс.
В классах рядом —
множат
семь на восемь,
Извлекают корень
из числа...
Трудовая радостная
осень
В школы нашей
Родины вошла!





РАССКАЗ

КАБИНЕТ физики полон солнца. В косых лучах весело танцуют пылинки. Солнце блестит на белом кафеле печи, лоснится на глянцевой доске. Оно забралось во все углы, проникло в шкаф, протянувшийся вдоль стены: играет на циферблате вольтметра, дрожит на золотых чашечках весов, вспыхивает в лейденской банке.

Но, пожалуй, ярче всего светится оно в затаённых улыбках, в блеске глаз, в настроении ребят, которые с трудом досиживают урок. Хотя и увлекательно то, что рассказывает Варвара Петровна о магнетизме, но как усидишь, когда южный ветер принёс желанную свежесть весны, первое тепло: на большой перемене можно без пальто выскочить в сквер.

Вася Теремок, собрав у ребят деньги, предназначенные на завтраки, ещё на первой перемене сбегал и купил волейбольный мяч. Пряча

голову под парту, надул его и теперь, увлечённо посапывая носом, шнурует. Надя Сомова, которую за полноту зовут «бочкой», нетерпеливо крутится на парте. Юрий Самурин, сощутив узкие, насмешливые глаза, через весь класс громко и требовательно шепчет: «Пас!».

И только Люля Жаворонкова, комсорг класса, голубоглазая, хрупкая девочка, с тугой косой, падающей на плечо, хмурится. Нет, не подумайте, она не сухарь, не какая-нибудь бесчувственная колобашка. Люле так же, как и всем, хочется выскочить на улицу, хлебнуть терпкого весеннего воздуха, но чувство ответственности подавляет её озорное желание. Давно ли, ну всего какой-нибудь месяц назад, чуть не весь третий отряд вступил в комсомол, а её избрали секретарём. Хотя бы постыдились немного, совсем как дети!

Нет-нет да метнёт Люля строгий взгляд на Теремка, покачает головой: «Ну, ни капли сознательности!» То вдруг гневно обернётся, услышав шипение Юры Самурина:

— Мог бы помолчать! А ещё в радиолокационный техникум собираешься.

Это она произносит вслух, с глубокой обидой и чуть не плача.

Но её слова только подливают масла в огонь.

— Избрали на свою голову, — ворчит Самурин.

Особенно ранят Юру слова Люли о радиолокационном техникуме. Вспыхнув, он зло выкрикивает:

— Не твоё дело. Радиолокация!.. Что ты понимаешь? Выкаблучиваешься...

— Что, что? — пытается усмехнуться Люля.

Чувствуя, что не в силах справиться с настроением ребят, Люля будто смиряется. Она усаживается поудобнее и, подперев кулачками щёки, с подчёркнутым прилежанием принимается слушать Варвару Петровну. Люля во все глаза смотрит на учительницу, стараясь привлечь её внимание. «Ну, посмотрите только, какая я умница», — говорит вся её поза. Но не подумайте, — Люле не себя хочется показать, а как бы заслонить собою весь класс, чтобы, глядя на неё, Варвара Петровна подумала: «Вот какие они старательные».

Но Варвара Петровна степенно прохаживается возле доски, рассказывая о магнитных явлениях тел, и будто не замечает, что творится вокруг.

И, кажется, только один Олег Нефедов не причастен к тому, что происходит в этот момент в классе. Он сидит сзади, наискосок от Люли, и не сводит с неё глаз. Вот так смотрел бы на неё и смотрел всю жизнь. Как прекрасно лицо её, доброе и решительное, с упрямо вздёрнутым подбородком. Как чудесно это нежное, просвеченное солнцем розоватое ухо с вьющейся прядкой волос! А когда она оборачивается и сбоку бросает куда-то мимо него взгляд, как лучатся и вспыхивают её глаза!

Видеть её, чувствовать, что она рядом... Ему кажется, что он не может быть без неё ни минуты. Вот завтра воскресенье, а Олег не рад этому. Совершенно пустой, никому не нужный день!

Но она не замечает его или не хочет замечать. И поделом. Ещё в начале года он написал ей письмо. Там он говорил, что она самая хорошая, что, если бы не было её на земле, — жизнь потеряла бы для него всякий смысл, что он готов всюду следовать за ней... Люля ответила в записке, что он тоже нравится ей и она согласна дружить с ним. И надо же случиться, чтобы эту, самую дорожную на свете записку он вместе с сочинением по литературе отдал в руки Веронике Георгиевне — классному руководителю!

И мало того, что Вероника Георгиевна жестоко посмеялась над ним, прочтя записку перед всем классом, — она вызвала матерей — его и Люлину. Это был такой позор! Олег не знал, что ему делать, куда скрыться от стыда. В тот вечер он долго стоял на мосту, сосредоточенно глядя в чёрные осенние воды Невы. Здесь и нашла Олега перепуганная мать — Клара Михайловна.

— Что ты, Олежка? Я тебя ищу, ищу... Разве можно так?.. Тебе нравится эта девочка? Дружи с ней. Пригласи её к нам. Только не скрывай от меня ничего... Мы ведь с тобой друзья? Правда?

Олег знал, что мать действительно настоящий добрый друг. Она стояла перед ним совсем молодая — светлое, нежное лицо и седая прядь волос. Отец оставил их ещё до войны. Маме тогда не было и тридцати. Но она не вышла больше замуж, посвятив всю свою жизнь ему. Олег понимал и ценил это.

— Да, мама, я тебе всегда говорил и буду говорить только правду.

Совсем иначе разговаривала с ним Вероника Георгиевна. Его вызвали в директорскую. Учительница молча указала ему на большое кожаное кресло. Он сел и сразу куда-то провалился. Стал маленьким и беззащитным. А Вероника Георгиевна победоносно расхаживала своими

чёткими, энергичными шажками и говорила:

— Любовь? Какая в твоём возрасте может быть любовь? Блажь! Всё это ты выдумал. И не оправдывайся. Рано ещё за юбками-то бегать... Выкинь всё это из головы. Иди! И чтобы я больше не видела ничего подобного... — и вслед ему усмехнулась: — Воздыхатель!

Ему не хотелось оправдываться. Горше всего было то, что теперь, после истории с запиской, Люля даже не смотрела в его сторону: видимо, здорово ей влетело.

Олег не решался подойти к Люле... Он ждал, что она хотя бы одним глазом взглянет на него. Иногда он думал: «Может быть, я теперь совсем противен ей?».

Впрочем, иногда он замечал, что Люля как-то странно — не то укоризненно, не то презрительно смотрит на него, но что это значило?

Шли недели, и ничего не менялось. Ничего. Он молчал и она молчала. Иногда они стояли рядом — в раздевалке, на экскурсии в Эрмитаже. Эти моменты были волшебными. Где-то в глубине души он чувствовал, что и Люле хорошо с ним. Но здесь же его охватывали сомнения. Будучи совсем близко от неё, он больше всего, однако, боялся прикоснуться к ней. Было в этом что-то запретное, что-то такое, от чего могло навсегда уйти то чистое и восторженное, что переполняло его. Он думал: «А вдруг это обидит её?»

Наконец, Олег решился — написал новое письмо. На одной из перемычек он хотел уже положить бумажный треугольничек в карман её платья, но откуда-то вывернулся Юра Самурин.

— В почту, значит, играем? Может быть, почтальон нужен? — спросил он, ехидно усмехаясь.

Всё бы ещё ничего, если бы Люля удивлённо не оглянулась на них и не перекинула косу за спину, как это делала она обычно, когда сердилась.

Юра потянул Олега в угол.

— Напрасно стараешься. За ней на катке, знаешь, сколько гоняет-

ся! И не такие... А если хочешь знать... — он сощурил свои узкие, дерзкие глаза и, покусывая верхнюю, тронутую пушком губу, сообщил доверительно, — я был у неё на квартире...

— Не ври!

Олег покраснел от обиды.

— Чудак, — сказал Юра снисходительно и, пожав плечами, посвистывая, удалился.

Так вот, оказывается, какая она — лгунья. Но нет, не может быть. Олег понял, что дальше ждать нельзя. Он должен немедленно отдать ей письмо. И он поклялся: «Если сегодня же не отдам, буду противен самому себе».

И вечером он пошёл к Люле.

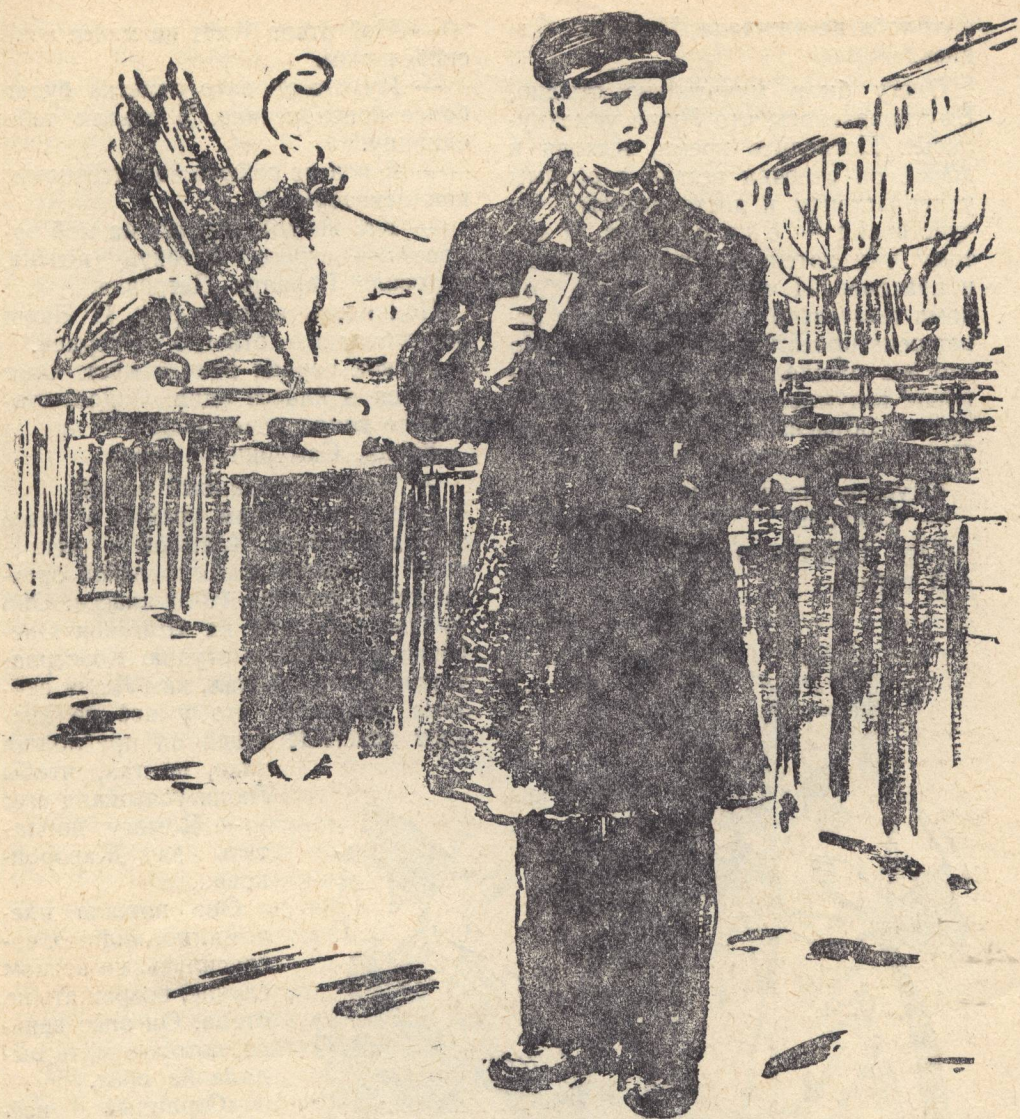
Люля жила на канале Грибоедова, возле мостика с красными львами. Львы держали цепи. Их головы были покрыты пышными шапками снега. В морозном небе горела луна, очерченная большим светящимся кругом.

Олег с трепетом вошёл в парадный. Замирая от охватившего волнения, робко поднимался по лестнице. Он думал: «Здесь каждый день проходит она...»

А вот её дверь. Она обита чёрной клеёнкой. Под кнопкой звонка блестит медная дощечка: «Жаворонковым звонить 2 раза». Почтового ящика, куда можно бы положить письмо, не оказалось. Долго стоял, мысленно отдавая себе самые грозные приказания. Но так и не смог нажать кнопку звонка. А тут ещё с верхнего этажа кубарем слетела какая-то смеющаяся девушка, распахнула дверь, которая, оказывается, не была защёлкнута на замок, и перед самым носом захлопнула её.

После этого Олег растерял последние капли решимости и, постояв ещё немного, побрёл вниз — со ступеньки на ступеньку.

Его опять встретила холодная в ореоле луна и львы с шапками снега. Он шёл по запорошённым плитам канала. Было по-вечернему тихо. Какой-то мужчина вывел гулять собаку. Она радостно носилась, волоча уши по земле и взмахивая ими, точно крыльями.



Олег не заметил, как очутился на Исаакиевской площади. Густо поросший инеем, высеребранный светом луны, высился собор. Деревья сада сияли и искрились сказочной бахромой заиндевелых ветвей. А над Невой вздыбился коня «Медный всадник».

Куда бы ни шёл в этот вечер Олег, всюду на него насмешливо смотрела луна.

И ВОТ уже весна, а ничего не изменилось...

Люля сидит, словно пронизанная солнцем. Лицо у неё грустное, грустное. О чём она думает?

Вдруг в классе стало тихо. Зашелестели странички учебников. По толку и стенам испуганно метнулись солнечные зайчики: Варвара Петровна надела пенсне и склонилась над журналом.

— Нефедов! Подойди к доске. Расскажи нам о магнитных свойствах физических тел.

Олег покраснел и, растерянно улыбаясь, вышел к доске. Стёр нарисованные схемы, перемазался мелом и с гримасой страдания на лице тихо сказал:

— Я не смогу, Варвара Петровна...

— Не можешь? От кого, от кого,

а от тебя не ожидала, Нефедов. Садись.

Олегу было мучительно стыдно. Ему показалось, что Люля усмехнулась... Последнее время, выходя к доске, он отвечал всегда с особым удовольствием и достоинством. Он чувствовал — она слушает. И потому ему хотелось говорить лучше и красивее. И чтобы так было, он дома тщательно готовил уроки и ответ репетировал перед зеркалом. Но кто же ожидал, что Варваре Петровне вздумается спрашивать сразу после объяснения нового урока! Прежде она этого не делала.

Опустив глаза, Олег сел.

— Самурин!

Юра вскочил, громыхнув крыш-
кой парты;



— Мой ответ будет не менее красноречивым.

— Ну что ж, зато отметка будет более красноречива. Я ставлю тебе единицу.

— А я и не гонюсь за пятёрками, как некоторые.

— Кто же мне ответит на мой вопрос? — строго блеснув пенсне, спросила Варвара Петровна.

Поднялось немало рук. И Люля заулыбалась — отлегло от сердца.

Звонок сорвал всех с мест. Олег остался в классе один. Сидел, оторопело глядя перед собой.

Уходя, Самурин крикнул:

— Эй, непризнанный гений!

Перед последним уроком в класс зашла Изольда Храмова — секретарь школьной комсомольской организации, ученица 10-го класса. Она принесла билеты на «Евгения Онегина» в Оперную студию Консерватории. Олег слышал, как Люля сказала девочкам, что у неё не хватает денег. И тогда он предложил тихо, но так, чтобы Люля услышала его:

— Я могу доплатить за Жаворонкову...

Она пожала плечами, но, видимо, согласилась, во всяком случае, возражать не стала. Он внёс деньги, которые мать выдала на обед.

«Странный всё-таки Олежка, — думала, пряча глаза от Нефедова, Люля. — Всё чего-то строит из себя. Всё у него не так, как у всех».

Ей была приятна его забота, но одновременно она и раздражала: «Тоже мне, благородный рыцарь!»

Она постоянно чувствовала его взгляд на себе. Иногда это начинало сковывать и

угнетать. Ну, почему не подойти попросту, не сказать: пойдём, мол, Люля, вместе... Конечно, сразу она не согласилась бы... Но он мог попросить ещё, и, в конце концов, она, конечно, пошла бы. Глупый! Неужели он думает, что эта история с письмом действительно могла повлиять на её отношение к нему? Правда, какой-то не от мира сего...

Тем временем к Олегу развязной походкой подошёл Юра. Все видели, как стояли они друг против друга, очень чем-то похожие — оба светловолосые, светлоглазые, только у одного черты резкие, у другого — мягкие, округлые. И что-то в этот момент петушиное было в их взглядах и позах. У Олега даже торчком встала его непокорная шелковистая чёлка. Потом все увидели, как Олег побледнел и ударил Юру по носу. У Самурина над губой появилась кровь, и он выскочил в коридор, крикнув:

— Ну, погоди же!..

Олег никогда не дрался, и его выходка была неожиданностью не только для окружающих, но, видимо, и для него самого. Тихоня ударил отчаянно-го задиру... И не только ударил, но и обратил его в бегство. Вот это штука!

Так бы, очевидно, никто и не узнал, что произошло между Юрием и Олегом, если бы не Сомова, которая случайно очутилась совсем рядом с ними. Скоро все были посвящены в подробности. Оказалось, что Самурин, подойдя к Олегу, заявил: «И что ты нашёл в ней?.. Она же...» — И здесь он процедил слово, — какое — так никто и не узнал, потому что Сомовани за что не решилась произнести его. И тогда Олег ударил Юру.

На последний урок Самурин не явился.

После занятий, когда Олег вместе со всеми вышел на пришкольный двор, к нему подскочила маленькая девчурка и, поднимаясь на носки, тихо сказала: «За воротами мальчишки с палками». Сказала и исчезла. Олег осмотрелся: девчонки, конечно, слышали. Люля хмурилась. Она сказала, замирая от страха:

— Не ходи!

И тогда он пошёл.

Она крикнула вслед:

— Сумасшедший!

Но он знал, что идёт за ней и ради неё. И ничего уже не страшно было ему.

На него налетели. Сначала он отшвыривал наступавших. Потом ему пришлось перейти в оборону. Его били палками, и он, как мог, защищал голову руками. Кто-то стукнул его по затылку камнем. Он упал. И тогда перепуганные мальчиш-



ки разбежались. Как какое-то далёкое бульканье, Олег слышал милицейский свисток. Теремок и подоспевшие ему на помощь ребята взяли Олега под руки и повели домой. Он шёл, и у него перед глазами расплывалось всё, как в тумане.

На следующее утро Олег проснулся с ноющей болью во всём теле. Голова его была забинтована. Мать укоризненно молчала. Лучше бы она говорила.

Но самое тяжкое в этой истории было то, что теперь он не мог пойти на «Евгения Онегина». А, может быть, именно сегодня и должно было всё решиться...

И Люля в этот день молила все сверхестественные силы, чтобы Олег пришёл в театр. Она чувствовала себя виноватой в том, что произошло, и готова была сама подойти к нему. Но главное — ей было очень жаль его... Досталось ему... И всё из-за неё. Только бы пришёл... Она даже уговорила Сомову пересечь на дальнее место, оставив рядом кресло незанятым. Она ждала его... Но Олег не пришёл...

Появился он в школе лишь через неделю. Все смотрели на него с оттенком уважения. И он чувствовал себя героем, тем более, что на голове ещё оставалась повязка. Но именно то, что их отношения вдруг стали достоянием чуть ли не всей школы, помешало Люле выполнить своё желание — первой подойти к нему. Олег за эти дни приручил себя к мысли, что они встретятся друзьями: у него ещё до сих пор в ушах звучал её возглас: «Сумасшедший!» И вот оказалось, что она опять холоднее с ним, чем другие, что она опять чужая.

А дальше произошли события, которые надолго, если не совсем, разъединили Люлю и Олега.

В тот же день после уроков было назначено общешкольное комсомольское собрание: должны были обсуждать поведение Самурина.

Собрание открыла Изольда Храмова — красивая девушка, коротко подстриженная под мальчика, с гордо посаженной головой. Она окину-

ла всех ленивым взглядом и сказала:

— На повестке один вопрос: «Исключение из комсомола комсомольца Самурина».

Такая формулировка озадачила собравшихся. По рядам прошёл недоуменный шепоток.

— Сейчас объясню, — сказала Изольда, подняв ладонь. — Самуриным мы занимаемся не впервые. Несколько месяцев назад комитет комсомола взял с него слово, что он исправится... Но вы сами видите... К двойкам прибавились колы, а дисциплина... Об этом говорить не приходится... Это ужас... Мы собрали комитет и решили — хватит возиться.

После Изольды выступали члены комитета. Они ещё и ещё раз говорили о недостатках Самурина, о том, что он неисправим, и требовали немедленного исключения. Один из них даже удивился, как после столь веских обвинений кто-то может быть против.

Из зала крикнули:

— Пусть Самурин скажет!

Для Юры такой поворот дела был неожиданным: неужели выгонят? Он вышел к столу, покрытому красной материей, совершенно растерянный, бледный. Никак не мог собраться с мыслями, всё время вытирал потевшие ладони о брюки. Признавая свою вину, обещал исправиться. Потом сел и, глядя на Олега, попытался надменно улыбнуться, но улыбка получилась жалкая — вот-вот расплывается.

— Теперь все видели, что это за комсомолец, — бросила Изольда. — Разве такому место в наших рядах?

Но, видя, что её слова недостаточно убеждают, что кто-то уже жалеет Самурина, Изольда пустила в ход, по её мнению, самый веский довод:

— Товарищи, мы не можем иначе. Есть предписание райкома — двоечников и недисциплинированных исключать из комсомола. Какая же мы организация, если не будем подчиняться высшим инстанциям? Вы же учили о демократическом централизме. Устав знаете? Так вот,

я несу ответственность за свои действия перед райкомом. И я не хочу, чтобы...

Но Вася Теремок прервал её, просив слова. Он вскочил, нахохлившийся, похожий на воробья на морозе:

— Мы тебя избрали секретарём. Перед нами и отвечай в первую очередь. А если предписание, то зачем нас было собирать? Исключили — и точка! А то декорация одна...

Разгорелся спор. Кто-то говорил: «Исключить проще всего. А потом человек озлобится и совсем опустится». И кто-то другой возражал: «Нечего защищать — не маленький. Пусть себе озлобляется!» — это, кажется, выкрикнула Сомова.

Олег не мог больше молчать.

— Я не хочу оправдывать Самурина. Мне самому досталось. Но ведь речь идёт о человеке. А вы говорите — какое-то предписание. Выходит, главное — выполнить предписание, чтобы похвалили в райкоме?.. А в райкоме должны хвалить, когда вы разберётесь... Вам наплевать на человека.. А если вам наплевать, тогда нечего удивляться, что он такой...

Олег смотрел на Люлю и видел, какой доброй, подбадривающей улыбкой она отвечала ему из президиума. И как-то вдруг легко, легко ему стало.

— Вы говорите — на комитете разбирали его. Он вам давал обещания. А нам об этом что-нибудь было известно?.. Вот если бы он нам всем дал обещание, тогда бы мы и спросили с него. И, может, исключили бы...

Встала Сомова:

— Ты почему-то комитет отделишь от организации...

— Ничуть. Вы сами отделяетесь. Мы должны сейчас поверить Самурину... Надо, чтобы он чувствовал ответственность перед всеми...

Олег словно какую-то тяжесть снял с души. Стало светло и просто. Люля улыбалась ему по-прежнему.

Изоolda самолюбиво передёрнула плечами, капризно поджала губы и, подняв ладонь, спросила:

— Кто за исключение?

Руки подняли члены комитета и ещё три-четыре человека.

— Кто за строгий выговор с предупреждением?

Олег не преминул вставить:

— Комитету!

Когда проголосовали, поднялась Люля. Она сказала:

— Я уверена, что Самурин лучше, чем мы о нём думаем. Ведь мы совсем-совсем не знаем его. Есть такая поговорка: «Всё понять — значит простить». Но мы не будем прощать, а знать мы должны, чтобы повлиять... Осудить — это просто, не зная ничего о человеке. Это снять с себя ответственность... Вот и всё...

Вдруг Самурин вскочил, откинул ногой стул.

— Не нужны мне ваши благодеяния!

И, хлопнув дверью, выскочил из комнаты.

— Вот вам, пожалуйста! — сказала Изоolda, и на красивом лице её появилась победная улыбка.

— Ну, и чему ты радуешься?.. Глупо! — сказала Люля и заплакала.

Все зашумели, так что уже трудно было что-нибудь разобрать.

Несколько дней Люля ходила удручённая, ни на кого не смотрела, ни с кем не разговаривала. Сидела печальная.

Внезапно к Олегу подседа Сомова:

— Ты думаешь, Люля зря защищала Юрку? Ничего подобного. Вчера с ним в кино была. Эх ты, простофиля! Нюня!

Олег не поверил Сомовой. Он только отвернулся от неё. Правда, Юрий присмирел, стал лучше готовить уроки. Олег видел ободряющие взгляды, которые бросала Люля, когда Самурин отвечал у доски...

И всё-таки он не верил Сомовой. Но вскоре ему пришлось убедиться в Люлиной измене.

Как-то вечером он шёл по улице Декабристов. Впереди мелькнуло знакомое салатное пальтецо и беретик. Люля! Олег даже остановился

от неожиданности. Может быть, сама судьба назначила им эту встречу и они, наконец, решительно поговорят. Он ускорил шаг. Но Люля внезапно остановилась. И откуда ни возьмись перед ней возник Юрка. Олег едва успел спрятаться за водосточную трубу. Через мгновение Люля и Юра скрылись в парадном. Так это же Юркин дом! Олег вошёл в парадный. Наверху гулко хлопнула дверь. И всё стихло.

А Олегу показалось, что он даже оглох. Всё кругом стало пусто и бессмысленно.

Он вышел из парадного. Позвонил домой по автомату, чтобы мать не беспокоилась. Решил ждать, когда Люля выйдет. Шёл ладожский лёд, и холодный северный ветер пронизывал насквозь. Трамваи пронеслись, скрежеща на крутом повороте... Олег поднял воротник пальто и прислонился к стене.

...А там, на четвёртом этаже, в комнате, уставленной гипсовыми и глиняными бюстами, возле большого задрапированного окна, на оттоманке сидели Люля и Юра. Он держал в руках книгу. Читал по-немецки.

— Опять неправильно произносишь. Надо говорить «ё», не «о». Мёген...

— Ладно. Как хочешь, Люлька, у меня сегодня ничего в башку не лезет. Скажи, наконец, чего у тебя там приключилось? Ты сегодня на себя не похожа...

— Ничего. Говорю, ничего. Ерунда... Пустяки.

— Всё равно, скажи. Это ведь меня касается?..

Люля молча кивнула головой. И она уже готова была сказать о том, почему она сегодня «на себя не похожа», но в дверь требовательно постучали. И тотчас же, не дождавсь разрешения, вошла довольно ещё молодая женщина. Она была в чёрном китайском халате, разрисованном райскими птицами. Её жёлтые волосы были закручены на папильотки. Она курила папиросу.

— О! Пабло и Франческа. Романтично! Юрий, придёт Филипп Авгу-

стович, скажи, что я дурно себя чувствую и легла спать... Или лучше скажи, что меня нет. Вообще нет. А то ещё вопрётся...

— Ладно, — буркнул Юрий.

— Ну, ну, занимайтесь, — приторно-ласково улыбнулась женщина своим маленьким, аккуратным ртом.

И дверь захлопнулась.

— Это и есть опекунша? — спросила Люля.

— Она, — презрительно скривил губы Юрий.

И вдруг Люля поняла то, чего не понимала раньше, когда Юра рассказывал ей о себе.

А было так. Родился Юра в год снятия блокады. Мать умерла, дав ему жизнь. Отец, знаменитый скульптор, умер через год, успев ещё высечь из мрамора статую матери. Она была балериной, и он извлял её стоящей на пуантах, всю устремлённую в полёт... (Стремительная фигурка и сейчас высилась посреди комнаты). Соседи отнесли грудного Юрия в ясли. Но в тот же день туда влетела Тамара Сергеевна — сестра отца. Она заявила, что отвечает за дитё перед памятью безвременно погибших родителей. И потребовала, чтобы ей отдали Юру.

Так она стала его опекуншей.

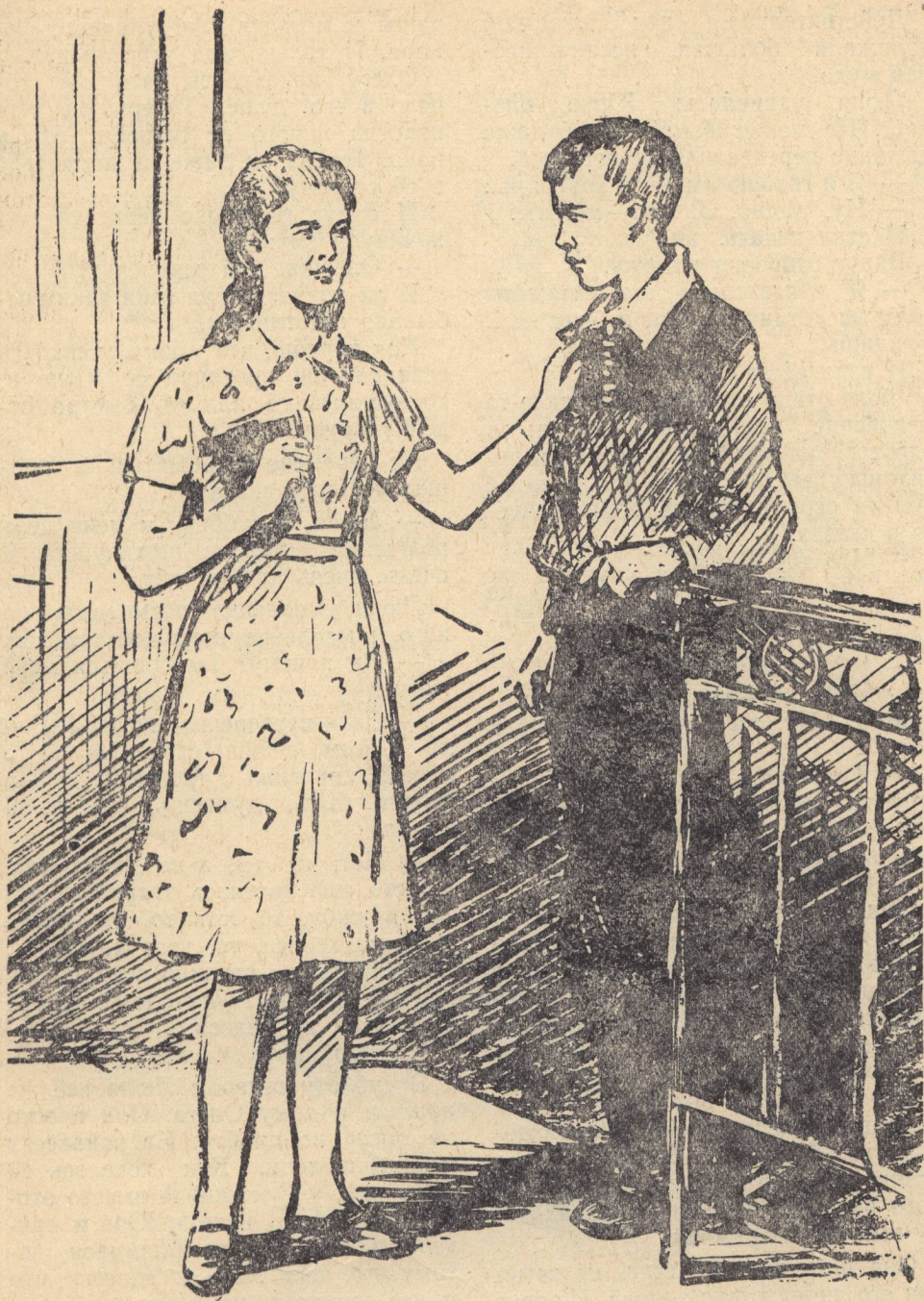
Но Тамаре Сергеевне меньше всего нужен был Юра. Ей нужны были комнаты и гонорары, которые она, как опекунша, могла получать за переиздание произведений Юрино отца. Юра возненавидел эту женщину, связывая её с войной, которая отняла у него отца и мать. Потому он всегда рвался из дому. Всё детство его проходило на задних дворах, в озорных мальчишеских играх и драках. Тамару Сергеевну это вполне устраивало.

Так вот какая она, эта опекунша!

Люля даже плюнула ей вслед.

— Так что же всё-таки произошло? — спросил Юрий, как только захлопнулась дверь за Тамарой Сергеевной.

— Ну, я тебе говорю, — ничего. Просто отец злится, что я пропадаю у тебя каждый день. Он, конечно, по-своему прав, но слушать меня не



хочет. Наговорил пакостей про тебя и вот про эту твою Тамару Сергеевну. В общем, отец потребовал, чтобы я оставила ваш дом, а то ты на меня плохо влияешь. Потом он разговаривал с Вероникой. Она, конечно, вызвала меня и устроила мне головомойку. Представляешь?..

— И что ты им сказала? — Юра с надеждой смотрел в Люлины глаза.

— Сказала... сказала, что всё равно буду ходить к тебе.

У Юры блеснули слёзы. Он быстро отвернулся:

— Смотри, уже мухи появились.

Действительно, под люстрой жужжала большая иссиня-лиловая муха.

Люля удивилась: Юрка плачет... Не может быть! У неё даже дыхание перехватило от восторга.

— Я и говорю им — ты хороший...

— Ну, ладно. Значит — мёген?.. И стал читать.

Вдруг отбросил книжку.

— Я обязательно все экзамены сдам на «отлично». Вот я буду не я! Увидишь.

И взял её за руку.

Люле стало страшно. На какое-то мгновение мелькнула догадка: а вдруг Юрка влюблён в неё? Она потихоньку высвободила руку, но не сумела скрыть испуга, вспыхнувшего в глазах.

— Что ты, Люля?

— Так... Надо домой. Что-то не по себе. Надо отца успокоить... Мало ли...

— Ну, посиди ещё...

— Нет, нет, — заторопилась она. — Завтра... Ну, ты смотри, приготовь всё...

— Я сказал... Как знаешь! Только обязательно приходи завтра. Будем физикой заниматься. Придумай что-нибудь... Хорошо?

— Обязательно.

Она оделась и выскочила. Ветер чуть не сорвал берет. Её испугал какой-то мальчишка, который стоял с поднятым воротником и в натянутой на лоб кепке возле самого парадного.

Люля метнулась в сторону и, немного пробежав, быстро зашагала. И только теперь до её сознания дошло: это был Олег. Неужели? Она оглянулась. Но у парадного уже никого не было. Только кто-то на ходу вскочил в трамвай.

Она шла против ветра, не замечая его, не чувствуя холода. И вдруг всё по-иному представилось ей.

«Так вот почему Юрка назвал ребят на Олежку!»

Как же теперь быть ей? Юрка, наверное, думает, что нравится ей. Но ведь он ей совсем, ни каплю не нравится. Что же делать?

Всю ночь Олег неподвижно смотрел на потолок, по которому ме-

тался и метался свет уличного фонаря. И только под утро заснул.

Олегу показалось, что всё сгорело в его душе. Теперь он уже никогда никого не полюбит. И не надо. Теперь он даже не посмотрит в её сторону.

И вдруг на уроке черчения она крикнула ему:

— Олежка, дай резиночку!

И он почувствовал себя таким небывало счастливым.

Как хорошо, что у него оказалась резинка! Он протянул её Люле и, коснувшись её пальца, быстро отдернул руку.

На перемене он решительно подошёл к Люле, сказал:

— Люля, в субботу у меня день рождения. Приходи, пожалуйста. Я очень, очень прошу тебя.

Люля умоляюще посмотрела на него и медленно покачала головой.

— Ну почему? Ты боишься моей мамы?

— Да! — неуверенно сказала Люля. Потом, словно стряхнув что-то с себя, спросила с тревогой: — Ты, может быть, думаешь, что из-за Юрки?

— Нет, что ты, я не думаю так. Просто мне хотелось закрепить нашу дружбу, то есть то, что было, то есть, вернее, то, чего не было...

Люля как-то странно всхлипнула. Из глаз её брызнули слёзы. И она выбежала из класса.

Что это могло значить?

В субботу вечером Люля всё же пришла к дому Олега. Она просто не могла не прийти. На занавесах скользили тени. Как хотелось ей быть там, у Олежки! А вместо этого нужно было идти к Юре и притворяться... Да, притворяться, потому что, если Юра догадается, что у неё ничего к нему нет, всё расстроится: он забросит занятия и опять будет хулиганить. И ещё хуже, чем прежде. Правда, это очень больно, ведь он поверил в неё, и вдруг всё рухнет. Нет, она, конечно, не может оставить его, она должна обязательно пойти к нему. Но это значит врать. Это жестоко, гадко. И чем дальше, тем хуже. А всё рав-

но без конца так продолжаться не может. Что же делать? Что?

— Люля, ты? Пришла?.. Мама разрешила купить бутылку вина, и я ходил... Смотрю, ты. Идём. Уж все собрались. Я, правда, всё ещё не верю...

Перед Люлей стоял Олег. И это было совсем страшно. Сказать ему обо всём?

Она покачала головой:

— Я не могу к тебе.

— Понятно. Это он тебе запретил. Запугал.

— Глупый ты!

— Ну, и иди к нему! — Олег рванул дверь парадного и резко захлопнул её.

Люля отошла несколько шагов, раненная обидой, потом, не отдавая отчёта, кинулась в парадный, крикнула:

— Олег!

И лестница гулко прогрохотала: О-о-о!

Они побежали друг другу навстречу. На площадке встретились.

— Не сердись, Олежка. Я правда иду к нему. Но так надо...

Люля робко дотронулась до пуговицы Олеговой куртки.

— Почему так надо? — спросил он.

— Так. А то совсем скатится в пропасть.

Олег увидел на Люлиных глазах слёзы. Она их, наверное, не чувствовала.

— Только ты не сердись. Ладно?

— Ладно.

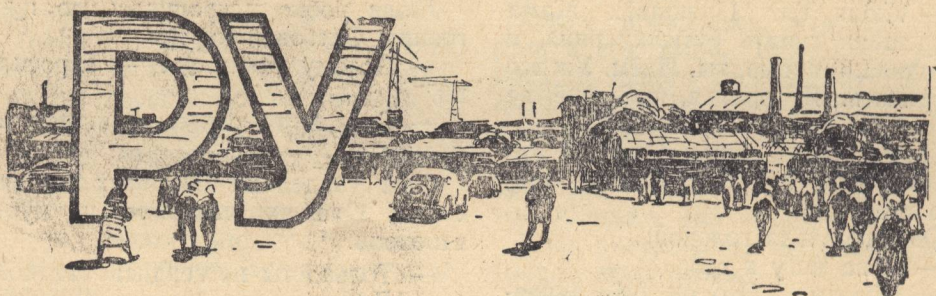
— Ну что же мне делать, Олег? — Она закинула за спину кошу. — Он считает, что я к нему хорошо отношусь, понимаешь, очень хорошо. Но это не так. А если всё откроется? Я так боюсь за него!

Олег хотел скрыть улыбку, которая рвалась наружу, но разве он в силах был сделать это!

— А ты не сразу... Понемногу. Пусть он сам поймёт...

— Хорошо, — Люля признательно улыбнулась. — я так и сделаю.





Он одет по форме строго,
Коренаст, в плечах широк,
Озабоченный немного,
Ладный, скромный паренёк.

Вдоль по солнечной панели
Он шагает поутру.
У него с петлиц шинели
Светят буквы Р. У.

Бойкий ветер мчится следом,
Холодок влетает в грудь,
И на фабрику «Победа»
Поворачивает путь.

А на ней, зимой и летом,
В корпусах, залитых светом,
Звонко, весело плывёт
Неумолчный шум работ.

Там, в огромном цехе
«пятом»,
Обувь делают ребятам



Всех размеров и цветов,
И фасонов, и сортов.

* * *

Мастер, с трубкою, солидный,
Прикурив от огонька,
Шёл по цеху и, как видно,
Ждал прихода паренька.

И сказал Иван Ермилыч,
Добродушно щуря глаз:
— Ты нас выручи-ка, милый,
Поработай тут сейчас.
Заболел у нас Захар,
Надо сделать триста пар.

Парень взял спецовку-куртку
Разрумянил щёки жар.
Это, видимо, не шутка —
Сразу сделать столько пар.

Ну, а если очень надо,
Что ж, потрудимся денёк!..
По местам встаёт бригада,
И в бригаде паренёк.

* * *

День с гудка берёт начало,
Дан сигнал, и вот кругом
Сталь в машинах застучала,
Заходила ходуном.

Всё в движение, в ритме
чётком,
Знают дело старики,
Заготовки и подмётки,
Шпильки, стельки, каблуки.

Не зевать, смотрите в оба!
Поспевайте, мастера!..
И пошла потоком обувь,
Словно «уголь на-гора».
И нарядны и строги,
Валом валят сапоги.

Но стоит себе парнишка,
Мол, робеем, да не слишком,
Мы хотя и молодёжь,
А легко нас не возьмёшь.

* * *

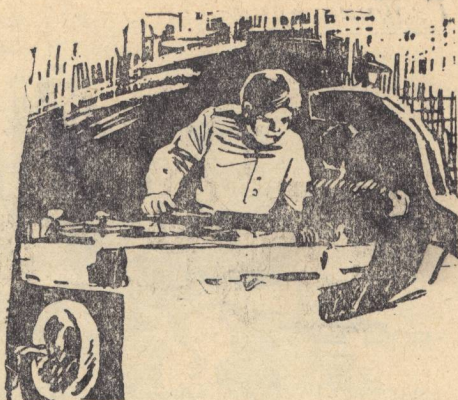
В пять кончать работу надо.
Слух прошёл, волнуя всех:
— У Ермилыча в бригаде
Завалила обувь цех!

Услыхав, директор мигом
Оставляет кабинет.
И бухгалтер с толстой книгой
Семенит за ним вослед.

Все узнать скорее рады
Про такой успех бригады.
Многим было невдомёк,
Что помог ей паренёк.

Он стоит с бригадой, гордый
Замечательным рекордом:
— Мол, бухгалтер, помоги,
Сосчитай-ка сапоги.

Тут директор справедливо
Выбрал лучшую из пар:
— От меня, от коллектива,—
Говорит, — примите в дар.



Вы хоть молоды пока,
Но крепка у вас рука.
Мы пошлём всю эту обувь
В двадцать пять колхозных
школ,

Для отличников учёбы,
Для ребят далёких сёл.

И герой наш юный весел,
Разговором увлечён.
Молодецки он повесил
Сапоги через плечо.

Вдоль проспекта, по панели,
Он шагает на ветру.
У него с петлиц шинели
Светят буковки Р. У.

В даль поглядывая смело,
Он проходит среди нас,
Деловитый и умелый, —
Молодой рабочий класс.





КОНЕЦ «ДИКОЙ ЭСКАДРЫ»

О ЧЕРК

КОРАБЛИ ШТУРМУЮТ БАСТИОНЫ

ИСТОРИЯ, которую мы собираемся рассказать, началась год назад в маленьком приуральском городке Верещагине. Стоит он у самой железной дороги. Днём и ночью, грохоча, проносятся мимо него поезда, и в редкой семье найдёшь здесь человека, который не служил бы на транспорте: Добавим ещё, что город этот совершенно сухопутный — вблизи даже реки порядочной нет. Поэтому самым большим водным пространством в Верещагине считается крохотный прудишко у местной водокачки.

И вот с берега этого безобидного водоёма хлынула на Верещагино неожиданная морская волна.

По вечерам на берегу пруда собирались ребята, все, как один, одетые в полосатые матросские тельняшки. Впрочем, у Генки Носкова тельняшки не было, но выход он всё же нашёл: вырезал из полосатой — белое

с чёрным — материи треугольник и ловко приладил его под пиджак.

Рудольф Старков ломким тенорком запевал «Варяга». Мальчишки, лёжа на спине и мечтательно вглядываясь в первые вечерние звёзды, подхватывали старинную морскую песню...

А потом, накричавшись до хрипоты, мчались по улицам Верещагина, со свистом и гиканьем громили «береговые укрепления» — палисадники и заборы, расстреливали «защитников крепости» — собак и кошек. Визжали несчастные дворняги, ревели перепуганные малыши, свистел милиционер. Возмущённому прохожему, ухватившему Генку Носкова за воротник, «комендор» флагманского корабля, отбиваясь, объяснял:

— Корабли штурмуют бастионы, понятно? А ну, отваливай, дядя!

Иногда после таких вылазок «дикой эскадры» в каком-нибудь верещагинском доме происходила генеральная порка. Отец, сухопутный

железнодорожник, ставил сына-моряка в удобную для такого дела позицию и, приговаривая: «А вот я тебе покажу сейчас полундру!», начинал усердно трудиться ремнём.

У Генки Носкова отца не было. Забравшись в угол комнаты, угрюмо поглядывал парнишка на бессильно плачущую мать. Злые слёзы поблёскивали и на его глазах. Эх, мать-мать, разве поймёшь ты, как тянет мальчишку к себе далёкое синее море!.. Пенные валы бушуют на нём, грудью режет корабль сердитые волны, а на корабле—геройские моряки, которыми так мечтают стать верещагинские ребята...

Иногда кое-кто из ребят попадал в местное отделение милиции. Там уже знали, что «дикие мореходы» учатся в пятом «б» 124-й железнодорожной школы. Беспокойно шмыгающему носом гостю приказывали:

— Клади рогатку на стол!.. Гайку на бечёвочке тоже клади. И предупреждаем: ещё раз пустишь в ход кулаки—будет серьёзная неприятность.

Но ни родительские внушения, ни увещания учителей, ни вызовы в милицию не помогали. Растекалась порой по верещагинским улицам морская волна, несла на гребне озорную мальчишечью «эскадру», и происходили от этого разные беды...

«КАПИТАНОМ СТАНЕТЕ ВЫ!»

Но не только на улицах буйствовали верещагинские «мореходы». Они скверно вели себя и в классе. Сюда собрали многих второгодников и переростков. Иные из них считали: «Года через 3—4 пойдём служить в армию, во флот, вот и надо воспитать в себе матросскую лихость!» Из 42 учеников в пятом «б» было 28 двоечников. Класс звали «отпетым», учителя шли сюда на занятия, как на нелёгкий и далеко не радостный труд.

Поэтому стоит ли удивляться, что в один не очень прекрасный день классная воспитательница отказалась от руководства пятым «б». Она сидела в кабинете директора и глу-

хим голосом, в котором чувствовалась крайняя усталость, говорила:

— У меня нет сил, чтобы справиться с ними... Нет сил...

Учителя, собравшиеся здесь, молчали. Им было горько за товарища, они понимали, как ему тяжело. Понимал это и директор, задумчиво барабанивший пальцами по столу. Он знал также, что просьбу учительницы надо удовлетворить. А как быть с «отпетыми»? Кто станет их воспитателем?

Директор размышлял несколько дней. Он перебирал в памяти всех учителей школы. Нет, он искал не просто лучшего из них. Он искал человека, который бы обладал качествами, необходимыми для пятого «б» именно в этот тревожный момент, когда нужно принимать какие-то очень решительные меры.

Через несколько дней директор пригласил к себе учительницу немецкого языка Тамару Ивановну Анисимову. Вошла невысокая, темно-



глазая женщина с тугим узлом волос на затылке. Села на стул, спокойно повернув к директору чуть скуластое лицо с твёрдым, упрямым подбородком.

— Тамара Ивановна, — сказал директор, шагая по комнате, — если мне не изменяет память, вы были на фронте?

— Была.

— Тяжеленько порой приходилось, а?

— Случалось.

Директор, круто повернувшись, остановился перед учительницей. Сказал глуховато, глядя на неё в упор:

— И в мирной жизни порой нужно повоевать. Иногда и в мирной жизни ждут нас сражения. А? Как вы думаете?

— Я это знаю.

— Вот-вот, — подхватил он её слова, — очень важно, что вы — учитель, коммунист, бывший фронтовик — это знаете.

Он помедлил и закончил разговор просто:

— Пятый «б» поручаю вам. Положение там на редкость тяжёлое. Говоря языком тамошних мальчишек, корабль остался без капитана. Этим капитаном станете вы. Вот так.

Тамара Ивановна встала, молча пожала протянутую руку и вышла.

МИРА НЕ БУДЕТ... ЗНАЧИТ, ВОЙНА?..

КЛАСС встретил Тамару Ивановну настороженным молчанием.

Узнав о том, что учительница немецкого языка Анисимова назначена воспитателем пятого «б», «мореходы» чуть встревожились, потому что знали: «немка» строга и спуску давать не любит.

Однако уже на первых минутах урока Толя Попов уткнул нос под парту — там у него был припрятан «Пятнадцатилетний капитан».

— Попов, выйди из класса! — приказала Тамара Ивановна.

Валкой матросской походочкой Анатолий двинулся к дверям. И книгу зажал под мышкой — дескать, дочитаю в коридоре.

— Книгу оставь на столе... Вот так. Можешь идти.

Тут защебетал, затарахтел что-то соседу Саша Онучин — с ямочками на круглых щеках, с вихорком на голове, который потому, наверно, никогда и не приглажен, что его обладатель непрерывно крутится на парте.

И Онучина строго одёрнула Тамара Ивановна. Тогда Рудольф Старков, — тот, что запевал перед вылазками «эскадры» «Варяга», — нарисовал морской якорь и послал по партам. Потом прицелился смешливым глазом в учительницу и стал рисовать её портрет. Портрет получился так себе — крючок вместо носа, две загогулины вместо ушей. Тамара Ивановна спокойно забрала этот «мастерский» рисунок и показала его всему классу:

— Правда, похож на самого автора?

Вглядевшись в портрет, класс грохнул: чуть оттопыренные ушки Рудольфа очень походили на нарисованные им загогулины... Но положение спас Генка Носков. Невинным голосом, в котором всё-таки отчётливо слышалась насмешка, комендор «эскадры» спросил:

— Тамара Ивановна, а как будет по-немецки: «Скорей бы звонок»?

Все стихли. Тамара Ивановна, приложив руку к шее, словно душил её воротничок платья, ответила:

— Хорошо, Носков, я переведу тебе эту фразу. Но ты напрасно пытаешься острить. Я правильно говорю, ребята?

Класс молчал...

С тех пор, возвращаясь из школы домой, Тамара Ивановна каждый раз перебирала в памяти события прошедшего дня. Нет, с такими ребятами мира не будет... Она знает их достаточно хорошо, чтобы прийти к такому выводу. Вот Толя Попов. Книголюб, все деньги, которые дают ему родители на завтрак, тратит на книги. Но сколько же горя учителю от этого его «книголюбства»! Нет, он не шумит на уроке, не болтает — только читает. Выставишь из класса — дочитывает в коридоре. Из школы выгонишь — он последнюю

страницу на улице перевернёт. Или Рудольф Старков — мальчишка с крепкими кулаками, с задорной чёлкой на лбу. В учёбе не бесталанен: быстрее всех решает математические задачи. Правда, потому и торопится, чтобы начать марафет бумагу своими художествами. Весь класс с восторгом ждёт его рисунков. Но, пожалуй, труднее всех Генка Носков. Вспыльчив, даже злобен, чуть что — взорвётся, готовый броситься в атаку...

Вспоминала учительница и драчливого Валерку Шабурова, и болтунишку Сашу Онучина, и других «мореходов». Выходило, что все они — ребята как ребята, но в характере почти каждого из них много такого, что надо решительно и беспощадно вышибать. Нет, с такими мальчишками мира не будет... Значит, война? Выходит, так. Надо воевать — и с ними и за них...

Бежали дни, как волны, вспененные событиями, — всё теми же подвижками «мореходов». Классная воспитательница пробовала всякое: выпускать стенную газету, устраивать пионерские сборы и собрания. Но всё это помогало мало. В школе стали упорно говорить о том, что пятый «б» надо расформировать, кое-кого из главарей «эскадры» отправить в исправительную трудовую колонию...

Тогда морозной декабрьской ночью — за окном валил в ту ночь густой снег, и такой же холодной, как этот снег, тоской сжало сердце Тамары Ивановны — она села за стол, прикрыла абажур лампы полотенцем, чтобы не разбудить спящих мужа и дочку, и вывела на бумаге первые слова:

«Министру Обороны СССР Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову...»

ЭСМИНЕЦ ВСТУПАЕТ В СРАЖЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО времени спустя, советский военный корабль плыл по Балтийскому морю. За стальными бортами эсминца свирепела холодная волна, а в каюте замполита, капитан-лейтенанта Смирнова, было тепло, светло и как-то по-особенному уютно. Капитан-лейтенант, спокойно откинувшись на стуле, словно его не качало из стороны в сторону, говорил сидевшему напротив молодому офицеру Петракову:

— Слушай дальше, лейтенант. И вот этот замечательный человек, уральская учительница, решившая повоевать за свой отчаянный класс, сделала смелый и решительный шаг. Она написала самому Министру Обороны! Бредят, говорит, мои



мальчишки морем, но мечта эта обернулась им пока во вред. И дальше проводит такую хитрую мысль: вы, мол, хоть и государственный деятель, а я простая учительница, но оба мы с вами коммунисты, члены одной партии, и обязаны друг другу помогать. Вот и помогите мне поставить моих «мореходов» в настоящий жизненный строй! К тому же, эти мальчишки, дорогой товарищ Маршал, придут когда-нибудь к вам в армию. Вот, чтобы не мучиться с ними потом, давайте поработаем над их воспитанием сейчас. А? Каково?

— Смело, очень смело...

— Но ты слушай дальше. Как думаешь, что решил маршал?

— Помочь?

— Совершенно верно. Но это ещё не всё. На подмогу Анисимовой приказано двинуть наш эсминец!

Капитан-лейтенант покосился на изумлённого Петракова и захохотал:

— Да ты не пугайся, мы по сухо-

путью на Урал не пойдём! Но пальнуть туда придётся. По многому, что мешает Анисимовой, придётся пальнуть! У неё же там настоящий фронт. Мы здесь, на Балтике, должны придумать такое, чтобы там, в уральском городке, у мальчишек души перевернулись! Ну, иди, посоветуйся как секретарь комсомольской организации со своими комсомольцами. Я тоже подумаю...

Смирнов остался один. О чём он думал? Может быть, о том, сколько дел у него, заместителя командира корабля по политической части? И матросов воспитывать и сам сиди за учебниками, готовься в академию, а сейчас вот ещё эти уральские пацаны, как снег на голову свалились. И на всё это нужно время и силы...

Или о том вспомнил Сергей Афанасьевич Смирнов, как в далёкой тверской деревушке бегал ершистым мальчонкой в школу? Как сам порой доводил учителей до белого каления, да, споткнувшись не раз на ухабах жизни, вдоволь понаставив себе шишек, всё же стал на ноги, пошёл прямо и твёрдо. Люди помогли, хорошие люди...

Трудно сказать, о чём может размышлять замполит корабля, когда предстоит ему принять важное решение. Но вот он встал, вышел из каюты, по трапу поднялся наверх. Пройдя по скользкой от морских брызг палубе, остановился у одного из орудий, постоял с минуту. Потом, улыбнувшись чему-то, негромко сказал:

— А вот из него и ударим. Сам старшина Кузнецов ударит...

Здесь и нашли замполита комсомольцы, пришедшие сообщить о том, что задумали они.

БЕССМЕРТНЫЙ СТАРШИНА

ЧТО же в Верещагине? Как живут «отпетые»?

Да, в общем, по-прежнему. Правда, чуть сдвинулись с места — упорно добирается до их сердец Тамара Ивановна. На кинофильм «Педагогическая поэма» ходили, вглядывались в жизнь, чем-то напоминавшую

их собственную. Разволновались так, что сделали на тот же фильм второй заход... Но хороших впечатлений хватило ненадолго.

И вот настал день, когда Тамара Ивановна вошла в класс, как-то особенно высоко неся голову, радостно щурясь от солнечных лучей, пробивавшихся сквозь окно. Заложив руки за спину, прислонилась к подоконнику и начала урок так:

— Плывёт сейчас по Балтийскому морю военный корабль. И-ский эскадренный миноносец направляется на ученье. Штормы бьют его в грудь, а он их не боится, грозно выставив орудия, мчитя вперёд...

Сосед Генки Носкова попробовал пискнуть надутым резиновым пухырьком, но Генка так стиснул его пальцы, что тот приглушённо охнул.

— И вот на этом-то корабле, ребята, — торжественно продолжала Тамара Ивановна, — есть орудие, которое грознее всех. Им командовал в годы Великой Отечественной войны старшина Василий Кузнецов. Однажды напали на корабль фашисты, с неба и с земли посыпались на него снаряды. Упал Кузнецов, смертельно раненный в живот. Но в ту же минуту загорелась упаковка с порохом, грозя взорвать весь корабль. Зажал рукой старшина развороченный живот, подполз к упаковке и столкнул её за борт. И умер...

В классе было так тихо, что все услышали, как протяжно вздохнула Нина Собашникова.

— А эсминец?.. — спросил кто-то.

— А эсминец остался жить и бороться. Он громил врагов у острова Ханко и в открытом море, топил их подводные лодки, крушил береговые батареи, резал огнём самолёты. Однажды он подорвался на двух минах. Израненного, его окружили вражеские корабли. И всё-таки он с победой прорвался к своим! Он живёт и сейчас. Да и разве ушёл навсегда из жизни старшина Кузнецов? Нет, друзья, он в строю, он навечно зачислен в экипаж эсминца, его выкликают на вечерней поверке, и орудие названо его бессмертным именем! Больше того, ребята, он се-

годня пришёл в наш класс...? Смотрите!

Она резким движением вынула из портфеля большую фотографию и показала её классу. С фотографии задумчиво смотрел на ребят молодой, чернобровый моряк, словно размышляя; а что за люди перед ним, что хорошего в жизни они сделали?

Вечером в классе состоялось торжественное собрание. Под звуки Государственного гимна староста Нина Собашникова прикрепила портрет Кузнецова к классной доске, мальчишки уже заранее сделали для него рамку. Рудольф Старков держал измазанные чернилами руки за спиной, словно мог их увидеть старшина. Валерка Шабуров внимательно слушал, как поручали пионеру Коневу ежедневно приносить к портрету свежую хвою. Несколькими днями позже, когда Конев заболел, свежая хвоя всё же появлялась каждый день, а у Валеры руки были исколоты иголками...

На собрании Тамара Ивановна рассказала о том, как обратилась к маршалу, как корабль решил взять шефство над пятым «б», прочитала письмо корабельных комсомольцев: «...без знаний моряком стать нельзя», — писали они. Потом пустила по рядам фотокопию школьной характеристики Василия Кузнецова, присланную комсомольцами, и ребята читали вслух: «Был примерным учеником... не имел ни одного взыскания... принимал активное участие в общественной жизни...» Читали и сконфуженно переглядывались. А когда зашла речь о том, что ответят в письме на корабль, чей-то гневный девчоночий выкрик ударил мальчишек в самое сердце:

— Писать?! Про что вы будете писать военным морякам? Как в милицию вас водят? Как носы друг другу квасите? Про свои двойки и колы будете писать?!

Генка Носков поднял кулак для удара, но перед ним уже стояли Нина Собашникова и Оля Михалева:

— Ударь, ну, ударь! Всё равно не

боимся! Не будем теперь молчать, всю правду будем говорить!

Они стояли перед изумлённым «комендором» с лицами, на которых было написано бесстрашие. Может быть, тот, кто смотрел за их спиной с портрета, внушил девочкам эту отвагу? И «комендор» растерянно опустил руку...

Было решено: право на ответное письмо надо заслужить. А пока пошлют на корабль короткую, вежливую телеграмму.

Домой Тамара Ивановна пришла смертельно уставшая. Спросила о чём-то мужа и испугалась: голос был слабый, надтреснутый.

— Ну вот, — сказал муж, — допрыгалась. Ведёшь себя, как девчонка. То часами Левитана по радио слушала — училась, видите ли, как торжественно про корабль рассказать. То вот теперь опять горло застудило.

Тамара Ивановна не ответила ничего. Говорить было трудно — болело горло.

ПОГОДА, КАК НА МОРЕ — ТО СОЛНЦЕ, ТО ШТОРМ!

ТАК выстрелило орудие бес- смертного старшины снарядом, который никого не убил и не ранил, лишь зажгёт ребячьи сердца хорошим огнём. И сам старшина пришёл к «отпетым» в класс, бок о бок стал рядом с Тамарой Ивановной.

С той поры она стала переписываться с капитан-лейтенантом Смирновым, вместе обдумывать планы дальнейших действий. В одном из своих писем Тамара Ивановна сообщала, что уже кое-где оборона «дикой эскадры» прорвана. Ребята украсили класс: девочки вышили шторы и занавески, мальчики смастерили макеты, все материалы об истории корабля, о Кузнецове стали хранить в специальной витрине под стеклом. «Пусть это небольшие дела, — писала Анисимова, — но, если бы вы посмотрели на ребят, которые, не имея рубанков, строга-

ли ножами, вы бы поняли, что творится сейчас в их сердцах...»

А творилось многое. Наверно, нелегко далась Рудольфу Старкову его первая четвёрка, но она пришла. Только Тамара Ивановна знала, что Рудольф вечерами нянчится с маленьким братишкой и ему трудно заниматься. Нелегко было и Валерке Шабурову победить на лыжных состязаниях, но он победил, потому что хотел, чтобы и о нём сказали доброе слово военные моряки. Ребята устроили сбор, на котором состязались, кто быстрее выгладит рубашку, пришьёт воротничок, начистит бляху ученического ремня. И знали: такое умение уважается во флоте!

А за маленькими делами понемногу приходили большие. Кто-то разведаль, что живёт в Верещагине семья — отец парализован, мать тоже больна, дочь — десятиклассница — готовится в институт. Трудно ей ухаживать за беспомощными родителями. И в одну из ночей возле домика этой семьи появились вязанки дров, в другую — двор был расчищен от снега. Потом однажды четверо пятиклассников скромно постучались в дверь домика, чтобы передать семье свои небольшие подарки. Больной, распластанный на постели, попросил Юрку Бабушкина нагнуться и поцеловал его в лоб. Тот вспыхнул и сконфуженно зашмыгал носом...

И всё-таки «погода» в классе была неустойчивая — то солнце, а то и шторм! Двоек стало меньше, но они всё-таки мелькали. Нет-нет да и выставят Толю Попова с урока, нет-нет да и затарахтит Саша Онучин. И даже тихого, робкого Юру Бабушкина иногда втягивают в болтовню. Выговор у Юрки больно смешной: вместо «ш» говорит «с», вот и получается: «скольник Бабушкин». Поэтому с Юркой любят поболтать, послушать, какие удивительные слова слетают с его пухлых губ...

Но самый страшный шторм разыгрался в тот день, когда Генка Носков не пришёл в школу. Кто-то разыскал в его парте записку: «Уезжаю из Верещагина навсегда, не ищите, всё одно не найдёте».



Почему он убежал? Может, от обиды, что «дикий эскадр» приходит конец?

В тот день Тамара Ивановна почувствовала, что постарела на год...

Генку сняли с поезда где-то возле областного центра. Когда его привезли домой, он плакал и кричал: «Не удержите, всё равно убегу!» Но в школу всё-таки пришёл. Тамара Ивановна решила его не трогать: пусть отмолчится, пусть зарубцется рана, которую сам же себе нанёс. И рана зажила так же неожиданно, как и появилась.

Однажды в классе прочитали вместе книгу осетинского писателя Джатиева «Два друга». Узнали, что автор, в прошлом моряк, сейчас изломан болезнью, тяжёлым последствием военных лет, лежит в одном из санаториев Подмоскovie.

Генка Носков слушал не шевелясь. Потом сказал глухо, глядя куда-то в сторону:

— Надо ему наши слова передать. Про его книгу-то...

Через некоторое время в подмосковном санатории перед больным писателем установили магнитофон. С тонкой магнитной ленты полились горячие ребячьи голоса, обсуждавшие книгу Джатиева. Из далёкого приуральского городка прилетели эти звонкие голоса. И слушал их писатель, чуть отвернувшись в сторону, пряча от соседей затуманенные глаза...

СЛУШАЙТЕ БОЕВОЙ ПРИКАЗ!

А на миноносце жизнь шла по-прежнему — в учениях и походах. Но за всеми своими делами не забывали военные моряки о приуральских мальчишках. Наконец пришло письмо от самих ребят, и эсминец дал в ответ новый «выстрел».

Верещагинцы получили конверт, а в конверте было вот что:

ПРИКАЗ

командира Н-ского эсминца

№ 98

22 апреля 1957 года

Содержание: О зачислении юнгами в состав экипажа корабля.

§ 1.

Учитывая хорошую учёбу, а также примерное поведение, зачислить юнгами — заочно, до окончания средней школы, — в состав экипажа корабля следующих учащихся 5 класса «б» 124-й железнодорожной школы г. Верещагина:

1. Попова Анатолия
2. Овчинникова Александра
3. Лискова Владимира
4. Старкова Рудольфа
5. Бабушкина Юрия
6. Онучина Александра.

§ 2.

Ряды в классе именовать отделениями, во главе отделения — старшина отделения — юнга и его заместитель — юнга.

§ 3.

Приказываю:

1. Старшинам отделений в летний период изучить со всеми пионерами флажную семафор и научить писать буквы и слова семафором со скоростью 25 знаков в минуту.
2. Пионерам-девочкам научиться вышивать и вышить на материи орден Отечественной войны I степени, которым был награждён Василий Кузнецов.

§ 4.

Разрешаю именовать пионерский отряд 5-го класса «б» именем Василия Степановича Кузнецова.

Приказ объявить на пионерском сборе всем пионерам школы.

Командир Н-ского эсминца,
капитан III ранга

Ю. Якунников

...Приказ ребята выслушали стоя. У Рудольфа Старкова задрожали губы, когда он услышал свою фамилию. Толя Попов как-то весь подтянулся, вечная ухмылка сбежала с его посерьёзневшего лица. И даже маленький, робкий Юрка Бабушкин показался всем выше ростом, шире в плечах.

И Тамара Ивановна радовалась вместе со всеми. Но через несколько дней она не пришла в школу.

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ СВОЁ ДЕЛО...

ТАМАРА Ивановна опасно заболела. Ещё во время войны с белофиннами студентка Тамара Анисимова, помогая переправлять раненых солдат в тыл, жестоко простудилась. Болезнь дала тяжёлое осложнение на горло. Позже учительницу Анисимову врачи предупреждали:

— Вам грозит почти полная потеря голоса. Овладевайте другой профессией, менее «говорливой».

Но Тамара Ивановна осталась в школе. Горло берегла, как могла. А попав в пятый «б», махнула рукой на все предосторожности: здесь ли, в этом буйном классе, щадить себя, говорить вполголоса?

И вот пришла беда. Голос пропал. А без него разве можно вести занятия?

Тамара Ивановна отправилась в местную поликлинику. Ответ врачей был беспощаден: придётся бросить работу в школе. Тогда воспитательница пятого «б» села на поезд и уехала в областной центр.

...Профессор закончил осмотр, с минуту поглядел в тревожные глаза сидящей перед ним невысокой женщины с тугим узлом волос на

затылке. Она ждёт ответа так, как ждут приговора — незаслуженного, а потому особенно страшного...

— Вы, кажется, учитель? — спросил профессор.

— Да...

И вдруг торопливым, срывающимся шёпотом женщина стала рассказывать о себе, о «дикой эскадре», о военных морях, об удивительном сражении, участником которого она стала. Нет, она не имеет права уходить с капитанского мостика, она должна вести класс дальше сквозь бури и штормы...

Профессор выслушал всё. Сердито ответил:

— Ладно, оставайтесь в своём пятом «б». Только слушайте теперь мой боевой приказ. Параграф первый: выполнять все процедуры, которые я вам назначу. Параграф второй: говорить вполголоса, даже если у вас там будут все ходить на головах!

...За день до возвращения учительницы в школу Рудольф Старков держал в коридоре речь перед несколькими участниками бывшей «дикой эскадры»:

— Вот что, — сказал он, косясь на прогуливающих по коридору девочек. — Завтра у нас немецкий. Что с Тамарой Ивановной, знаете сами. Так вот, если кто теперь на уроке заорёт или даже забормочет, сворочу фотографию на все тридцать два румба в сторону!

Это было последней грубостью бывшего дикого морехода, а теперь юнга с Н-ского эсминца. Но даже девочки, слышавшие всё, простили её Рудольфу.

ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ СИНЕЕ! ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДРУЗЬЯ!

А Н-ский эсминец посылал выстрел за выстрелом. И что же за добрая, хорошая была эта канонада! Корабельные комсомольцы писали о своей жизни, прислали книгу, в которой объяснялось, как овладеть флажным семафором. И ребята не просто изучали его. Когда класс взялся в соседнем колхозе вырастить полгектара кукурузы,

Валерка Шабуров стал вызывать «сельскохозяйственную команду» на работу флажками, потому что кое-кто жил за несколько километров от школы. Потом взяли шефство над первоклассниками, и в первый же день сделали подставки для ног, чтобы было удобно малышам взбираться на сиденье парты. Когда Толя Печёнкин сломал ногу, к нему стала ходить «команда скорой ученической помощи» — заниматься на дому. Генка Носков возглавил стенгазету «Пятиклассник», и громила она теперь лентяев без промаха.

Дел было много, и все они получались нелёгкими. Разве девочкам так просто дались занятия вышивкой? У женщины, которая их обучала, есть ребёнок, его не с кем было оставить. Тогда Оля Михалёва стала часами нянчить младенца, пока его мать занималась с юными вышивальщицами. И орден, которым был награждён Кузнецов, вскоре запылал на материи!

А самое главное — подали гордый «рапорт» командиру эсминца: все из пятого «б», за исключением троих, перешли в следующий класс! Это было победой для бывших «отпетых», которые когда-то «славились» своими 28 двоечниками.

В те дни капитан-лейтенанту Смирнову тоже приходилось нелегко: он добивался у командования разрешения на одно важное дело. И добился!

...Снова буря в далёкой верещагинской школе: юнги пятого «б» едут на военный корабль! Моряки пригласили их к себе на празднование Дня Военно-Морского Флота. До свиданья, Верещагино! Здравствуй, море синее, о котором столько грезили ребята! Едем к тебе!

Через сотни километров мчится поезд. Здесь Рудольф Старков, Толя Попов, Саша Онучин, Юра Бабушкин. И девочки важно трясут косичками; они едут тоже — Нина Собашникова, Оля Михалёва и другие. Чем они хуже мальчиков? Разве ушли они с палубы, когда в пятом «б» бушевали штормы?

А в Ленинграде с утра ждут гостей на вокзале лейтенант Петраков

и несколько матросов. Все одеты в парадную форму. Лейтенанту жарко в застёгнутом наглухо кителе. Но чего не вытерпишь ради друзей! А они вот уже вышли из вагона, подходят с салютом. И козыряет им подтянутый лейтенант, и замерли матросы по стойке «смирно»...

Пока Петраков возил гостей по городу, знакомя с его морской славой — с «Авророй», с памятником «Стерегающему», с величавой Невой, капитан-лейтенант Смирнов на корабле оканчивал последние приготовления к встрече. Спорил с каким-то интендантом по телефону, потом, когда от того доставили на эсминец несколько объёмистых пакетов, вызвал матроса и, подмигнув, приказал:

— Бляхи на ремнях надраить, чтоб огнём горели! Ясно?

...Вечер. Высокие звёзды смотрят на причальную стенку, где идёт торжественное собрание военных моряков. Смирнов сидит рядом с Тамарой Ивановой, посмеиваясь, пишет на листке из блокнота:

«Ну, как настроение, капитан?»

И Тамара Ивановна чуть пониже приписывает:

«Великолепное, капитан! Спасибо вам за всё!»

Потом, после праздничного доклада замполита, ребятам преподносят полные формы юнгов. Тут и флотские брюки, и тельняшки, и блузы. И ремни, на которых бляхи горят огнём! Дают один комплект запасной. Может, Генка Носков его получит, если будет достоин?

Рудольф Старков держит форму юнги в руках. Что сказать в ответ? Говорить он не может, в горле застрял какой-то ком... Тогда звонкий голос Оли Михалёвой взлетает к потемневшему небу:

— Товарищи военные моряки! Да здравствует ваш корабль!

Дюжий матрос, взметнув Олю над головой, показывает её смеющимся, аплодирующим морякам.

А корабль стоит тут же рядом, у причала, грозно выставив вперёд могучие орудия. Скоро ему снова в поход по кипящим волнам. И пятому «б» тоже плыть дальше — в новый учебный год. И поплывут они, как прежде, спаянные удивительной своей дружбой.

Но это всё впереди. А пока на причальной стенке слово берёт матросский баян, и ломкий тенорок Рудольфа Старкова поднимает над морем знаменитую песнь о «Варяге»...





ОДНАЖДЫ в Ленинградский областной архив пришла женщина. Она хотела пройти к заведующему архивом, но в дверях её остановил милиционер.

— Ваш пропуск? — спросил он.

Женщина протянула удостоверение. Милиционер прочитал, заулыбался и внимательно посмотрел на посетительницу.

— Скажите, вы писали стихи в «Ленинские искры» в 1924 году?

— Писала, — ответила женщина.

— Я до сих пор наизусть их помню, — весело сказал милиционер и пропустил женщину.

Этот случай произошёл с Марией Марковной Дубянской.

С тех пор как стала выходить газета «Ленинские искры», на её страницах печатаются стихи, очерки, рассказы Марии Марковны Дубянской.

Мария Марковна писатель и журналист. Она очень любит газету и своих юных читателей. Часто бывает у них на сборах в школах и лагерях.

М. М. Дубянская пишет для маленьких и больших, для пионеров и школьников. Особенно любит писать о воспитанниках детских домов. Им посвящена её книга «У нас весна».

За 30 лет М. М. Дубянская написала много рассказов и стихотворений. Вы, наверное, читали их в сборниках: «У нас на сборе», «Весёлая эстрада», «Поговорим по душам».

Сейчас М. М. Дубянская работает над новым сборником своих стихотворений.

М. Дубянская

Рисунки В. Вильнера

ЗА РОЯЛЕМ

Подойду и клавиши трону
На высоком, на тонком ладу...
И они отзовутся звоном,
Словно птицы запели в саду...
Словно дождик весенний закапал,
Или хрустнул растаявший лёд...
Или стёклышко бросили на пол...
Или в небо взлетел самолёт!
А густые басы

сердито,
Низким голосом
заговoryт.
...Это — топает конь копытом,
...Это — скачет в атаку

отряд!
Про парад, про салют
над Невою,
Про веселье, про грусть и печаль —
Мы про всё сочиним с тобою,
Мой певучий,
могучий рояль!



НАШ САД



Стояли дни хорошие,
Трудились мы весной:
Где был пустырь заброшенный,
Там вырос сад густой.

Земля лежала голая,
Теперь смотрите —
вот!

Из маленького жёлудя
Могучий дуб растёт!

Растут подружки-яблоньки,
Земля вокруг свежа.
Летят над садом яблочки,
Деревья сторожат.

И кустики крыжовника
С малиной встали в ряд, —
Мичуринцы-садовники
С корзинками спешат.

Спешат толпой весёлою
Снимать свой урожай!
Расту, наш сад
за школою!
Цвети, любимый край!

БАБУШКИ И ВНУКИ

Как тихо летом
в скверах —
Не видно пионеров,
Не видно октябрят...

Лишь бабушки-
старушки,
Беседуя друг
с дружкой,
На лавочках сидят.

— Скучаете?
— Ещё бы! —
Мои двойняшки
оба
Уехали в Мартышкино
Со всеми ребятами!

— Из лагеря
под Ладогой
Мне пишет внучка
Мая:
«Колхозу помогаем!»

...Ложится тень
от дуба.
Скамейка — вроде
клуба.
И слышно
вперебой:
— Давно в походе мой!

— Мы с дочкой
и не ждали:
По радио сказали,
Что будет наша

Валя
Плясать на
фестивале!
— А мой Володя
в Луге
Стал главным
вратарём!

Как будто все недуги
Забыты, все печали —
Горячим этим днём!
Как будто бы
не сгорблены,
Как будто юны
сами,
Сидят старушки,
гордые
Внучат своих
делами!

С платочками
цветастыми
На головах седых,
Сидят они и
хвастают
Внучатами вихрастыми
И радостями их!





РЕВОЛЮЦИЯ застала прапорщика Николая Александровича Беляева в окопах империалистической войны, на Румынском фронте. Несправедливая, захватническая война «за веру, царя и отечество» давно уже надоела солдатам, фронт разваливался, и в декабре 1917 года Н. А. Беляев уехал к себе на родину в станцию Каменскую, на Северный Кавказ.

Но отдыхать не пришлось. В Каменской шла другая война — гражданская. Н. А. Беляев вступил в Красную Армию, участвовал в легендарном походе её частей под командованием К. Е. Ворошилова от Каменской, через Лихую, Морозовскую, через Дон, до Царицына. Отряды молодой армии рабочих и крестьян шли через территорию, захваченную врагом, в непрерывных боях пробивались вперёд, к городу на Волге, ставшему примером небывалого мужества и героизма.

В Царицыне Н. А. Беляев работал начальником оперативного отдела в штабе Десятой Красной Армии. К этому периоду и относятся его воспоминания, которые вы здесь прочтёте.

Там же, под Царицыном, Н. А. Беляев был тяжело контужен и больше в боях не участвовал. В годы Великой Отечественной войны он снова в строю. В действующих частях под Тихвином и на Киришском плацдарме защищал он Ленинград от немецко-фашистских орд.

Сейчас Н. А. Беляев — подполковник в отставке и живёт в нашем городе.

Н. А. Беляев

Рисунки В. Орлова



Будё-ённый идё-ёт!

(Из рассказов бывалых людей)

АВГУСТОВСКОЕ солнце, разорвав густую пелену белёсого утреннего тумана, брызнуло золотыми искрами на застывшую гладь Волги, заиграло на стёклах домов, словно пытаясь пробудить спящих и весело поддразнивая их:

— А я уже здесь! Пора вставать...

Утро выглядело самым мирным, а тишина, плотно окутывавшая город, ещё более подчёркивала это ощущение.

Но так только казалось.

Трудно Царицыну. Всей молодой республике Советов трудно. Идёт 1918 год...

Узкой лентой вытянулся город вдоль Волги, прижался к ней. А со

стороны степей рвутся в Царицын белоказачьи банды, войска генералов Краснова и Мамонтова. Все силы прилагают они, стремясь захватить город. Ещё бы! Ведь это не только огромный промышленно-торговый центр, не только крупнейший железнодорожный узел, но и арсенал Красной армии, снабжающий её оружием и боеприпасами. Царицын ещё и ключ в плодородные южные районы. Заняв город, враг прервал

бы сообщение. Москвы с югом, соединились бы Донские, Астраханские и Уральские контрреволюционные силы. Поэтому Царицын решил драться до последнего патрона, до последнего человека.

Обороной города руководил в то время Климент Ефремович Ворошилов. На страже волжской твердыни стояли 1-я Морозово-Донецкая и Коммунистическая дивизии. Но силы были явно не равными. Пользуясь численным превосходством, враг наступал. Тяжёлые дни переживал осаждённый город. Всё теснее сжималось вокруг него кольцо белоказаков. Каждый день шли ожесточённые бои.

Едва рассветало, как начинался грохот орудий и треск пулемётов, не прекращавшийся ни на минуту. По улицам сновали повозки с боеприпасами и продовольствием. К Волге везли раненых, от Волги на позиции шли отряды красногвардейцев. Вечерами тревожные гудки заводов сообщали о новой мобилизации царицынских рабочих. Каждую минуту можно было ожидать решительного штурма.

И вдруг положение резко ухудшилось. В городе был раскрыт контрреволюционный заговор. Начальник штаба Северо-Кавказского военного округа полковник Носович оказался предателем и сбежал к белым.

Ночь после раскрытия заговора была тревожной. В штабе 10-й Крас-

ной Армии, помещавшемся в четырёхэтажном особняке местного богача Воронина, было особенно напряжённо.

Вместе со своим помощником Чеботарёвым я вышел на балкон особняка. По очереди следили в бинокль за перемещением наших частей, и оба молчали.

Ваня Чеботарёв, молодой черноглазый шахтёр, ненавидел белых всеми силами своей души. Его отца, луганского слесаря, за отказ работать на немцев оккупанты расстреляли. Ваня ведал у нас разведкой, и трудно было пленному офицеру что-нибудь скрыть или как-нибудь запутать молодого командира. Врага Ваня чуял сердцем.

Вечера в Царицыне наступают мгновенно. Как-то сразу опускается темнота, закрывая собой весь горизонт. С балкона пришлось уйти. Оставалось только сидеть и ждать. По показаниям пленных, штурм города был назначен на сегодня. Казачьи сотни появились уже на близких подступах к Царицыну. Станция Воропаново, находящаяся в десяти километрах от города, уже была захвачена белыми.

Штаб армии был поставлен на колёса. На огромном дворе толпились повозки, пулемётные тачанки, броневики, готовые в любой момент открыть огонь. Всю ночь подходили всё новые и новые отряды только что мобилизованных рабочих.

Ночь тянется медленно, нудно.



Штурма пока нет. И вдруг на расвете, вместо казаков, в город вошёл конный отряд Будённого.

Можно ли передать словами восторг, охвативший всех нас при виде будённовцев? Стройными рядами, на добрых конях, сверкая оружием, шёл отряд по улицам. Дружное «ура-а-а» неслось ему навстречу.

Одеты конники были, правда, довольно пестро. Кто в черкеске, кто в синем казачьем мундире и в шароварах с красными лампасами, а кто просто в защитной гимнастёрке и галифе. Здесь были и чеченцы, и черкесы, и кубанцы, и донцы — словом, люди самые разные, но все одинаково хорошо владевшие шашкой и конём.

Товарищ Будённый всегда сам отбирал себе пополнение. Обычно он выстраивал желающих служить в отряде с неоседланными конями и командовал:

— Седлай!

По тому, как боец седлает коня, Будённый безошибочно определял настоящего кавалериста.

Сейчас он ехал впереди отряда, почти ничем не выделяясь среди бойцов, разве что исключительно красивой посадкой в седле да пушистыми усами, которые тихо ласкал тёплый волжский ветерок.

Глядя на будённовцев, совсем не чувствовалось, что пришли они сюда не по гладкой дороге, а прорвались с боем, прибыли прямо из пекла атак и сражений.

УЖЕ много дней из Сальских степей от станицы Платовской пробивался отряд к Царицыну. Уже совсем близко оставалось до города, всего 25 километров, когда у местечка Сарепты окружили будённовцев плотным кольцом.

Утром ожидалась атака. Врагов было около трёх тысяч, а у будённовцев всего семьсот сабель. Белые уже предвкушали успех и заранее торжествовали победу.

Ночью Будённый пошёл в разведку. Долго пришлось искать выхода из кольца. Наконец он нашёлся. Небольшая тропка через болото была свободна от врага и вела в его

тыл. Бесшумно снялся с места отряд.

— Костров не тушить, старые повозки и палатки бросить! — приказал Семён Михайлович и, подумав, добавил: — Раненых лошадей тоже оставить.

Возле палаток оставили даже «часовых»: набили старые гимнастёрки да шаровары сеном, приладили тряпочные головы, сунули в руки палки, да и поставили «охранять».

Всю ночь белые, готовясь к бою, наблюдали за кострами в лагере, посмеивались над «беспечными» будённовцами. А отряд тем временем выбрался по узкой тропке в тыл врага, обошёл конницу белых и охватил её полукольцом, поставив по флангам пулемётные тачанки.

Едва забрезжил рассвет, толпы белых с дикими криками и свистом бросились атаковать «лагерь». Вихрем ворвались они туда, сбили клинками несколько чучел, изрубили натянутые палатки, искромсали оставленные повозки, но больше никого не нашли. Куда делись красные? Враги, недоумевая, топтались на месте...

И в этот момент откуда-то из степи донёсся громкий победный клич: — Будё-ённый идё-ёт! Ура-а!

В спину белым стремительно ударила Красная конница. Ураганым огнём наполнили степь тачанки.

Неожиданность удара вызвала в рядах белых жестокую панику. Белые конники метнулись в степь, почти не оказывая сопротивления. Их преследовали острые клинки будённовцев и огонь станковых пулемётов с лихих тачанок. Почти весь отряд противника был уничтожен, лишь небольшая часть его прорвалась на юг и ускакала на своих маленьких быстроходных лошадках...

...А сейчас будённовцы ехали по улицам города весёлые, задорные, готовые к новым боям и походам.

Вскоре после прихода отряда контратакой Морозово-Донецкой дивизии белоказаки были выбиты и со станции Воропаново. Царицыну стало полегче.

После короткого отдыха отряд

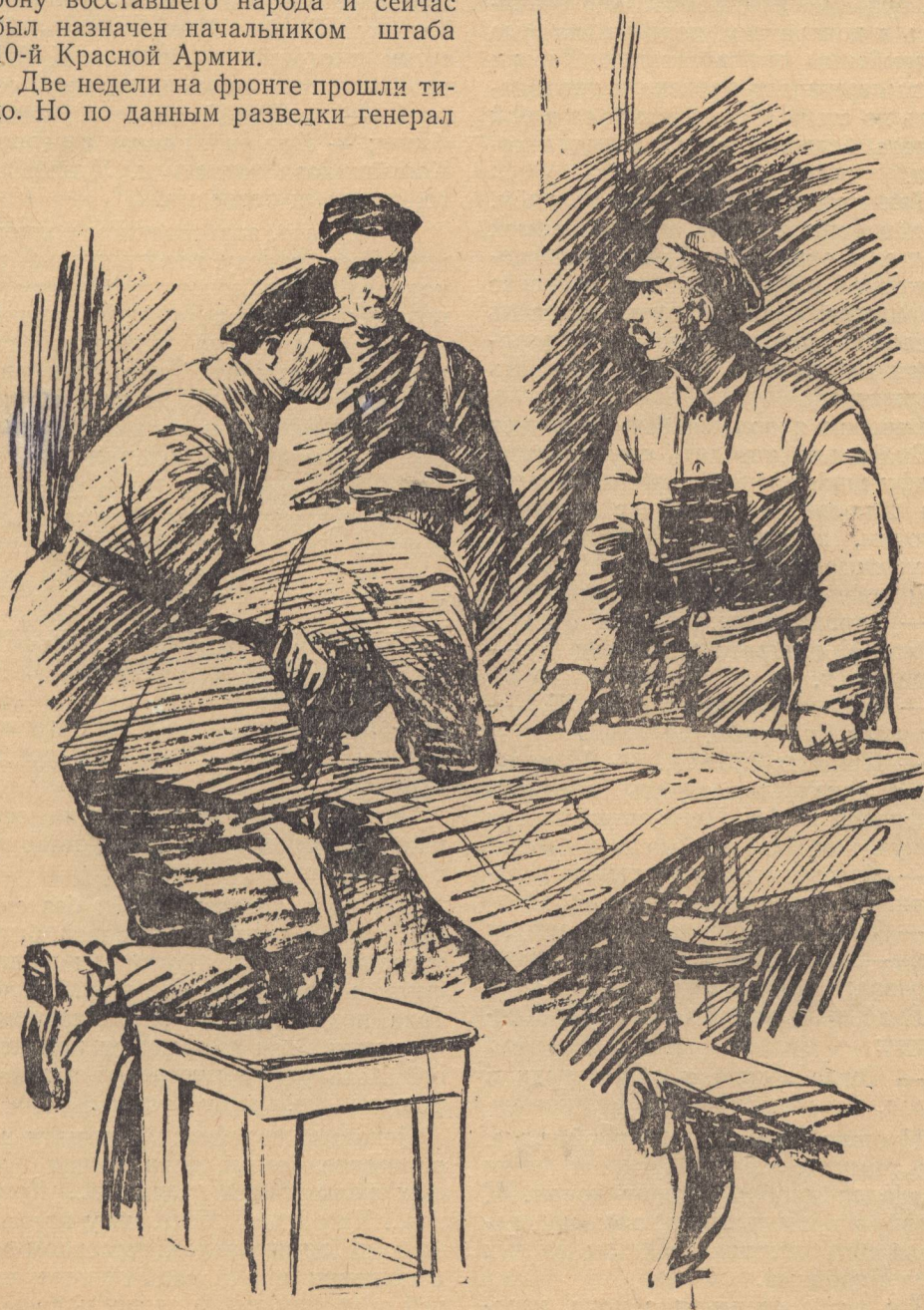
Будённого был направлен на прикрытие правого фланга армии.

В эти дни произошла смена командования армии: товарища Ворошилова вызвали в Москву. Оборонной Царицына стал руководить генерал Ключев. Участник русско-японской войны, бывший начальник штаба армии Брусилова, с первых дней революции перешёл он на сторону восставшего народа и сейчас был назначен начальником штаба 10-й Красной Армии.

Две недели на фронте прошли тихо. Но по данным разведки генерал

Мамонтов готовил новое наступление, и нам складывать оружие было рано.

Под лозунгом: «Все на защиту Красного Царицына!» формировались новые части из царицынских рабочих. Прямо на улицах города обучались они военному искусству. Мозолистые рабочие руки быстро осваивались с винтовкой.



Среди этого временного затишья неожиданно пришло тревожное донесение от Будённого: значительные силы пехоты и кавалерии белых при поддержке артиллерии сильно теснили нашу конницу к берегу Волги.

Будённый маневрировал. Когда выдвигались пехотные цепи противника, его отряд отходил. Но едва выбрасывались вперёд казацьи сотни, будённовцы стремительно бросались в контратаку, поддерживаемые пулемётным огнём тачанок. Казаки не выдерживали натиска и рассыпались по степи. Снова вступала в бой пехота белых и снова отряд отходил.

Так продолжалось день за днём. Будённовцы отошли уже к самой Волге, к окраинам Дубовки, расположенной в 40 километрах севернее Царицына. Снова сложилась очень тревожная обстановка: белые угрожали перехватить Волгу, отрезать Царицын.

Вечером я должен был связаться с Будённым, передать ему по телеграфу зашифрованный приказ товарища Ключева. Телеграфист застучал ключом, посылая в Дубовку бесчисленные точки и тире. Наконец нам ответили: Будённый у аппарата.

— Здравствуйте, Семён Михайлович! У аппарата начоперед Б., — передаю я.

— Здравствуйте, товарищ Б., — отвечает Будённый.

— Примите приказ... — И дальше я начал передавать обычный цифровой шифр. Не прошло и двух минут, как Будённый перебил меня:

— Брось ты эти закорючки передавать! Говори прямо, что надо?

— Так ведь без шифра нельзя же, — возразил я. — Нас могут перехватить белые.

Будённый немного помолчал и ответил:

— Тогда лучше я сам приеду в город. До свидания.

Прошло два с половиной часа. Из темноты осенней южной ночи раздался дробный цокот копыт. К штабу на взмыленных конях подскакали пять конников. Одним из них был Будённый.

Он легко соскочил с коня, пере-

дал повод одному из кавалеристов и, звеня шпорами, упругой кавалерийской походкой стал подниматься по широкой мраморной лестнице, поддерживая на ходу кавказскую шашку в серебряных ножнах.

Я тотчас же проводил его к начальнику штаба.

— Против меня действуют два полка пехоты, три полка конницы и дивизион артиллерии, — доложил Ключеву Семён Михайлович. — За сутки я отошёл к окраине Дубовки. В строю имею девятьсот сабель. — Будённый помолчал и добавил: — Вот ещё приказ генерала Копейщикова захватили. У пленного, во время разведки.

В приказе, адресованном полковнику Голубинцеву, говорилось: «Мне надоело ваше бесконечное топтание на месте. В последний раз приказываю немедленно ликвидировать конную группу Будённого, для чего придаю вам: два полка пехоты, три полка кавалерии и дивизион артиллерии. Исполнение доложить».

Приказ серьёзный. Было над чем призадуматься и нам. Внимательно взвесив обстановку, Ключев спросил:

— Чем мы смогли бы вам помочь?

Будённый медлил с ответом, что-то обдумывал и прикидывал в уме. Наконец сказал:

— Мне нужны две машины овса и три броневика. Тогда на рассвете атакую.

Через час от штаба армии отошли три броневика и две машины с овсом.

Эту ночь я тоже провёл без сна. Не знаю, которая из ночей была тревожней: та ли, когда мы ждали штурма Царицына, или эта... Не давала покоя мысль о завтрашней операции. Чем она может кончиться? Ведь у Будённого сил в шесть раз меньше, чем у белых...

Невольно перебирал в памяти героические боевые дела наших лучших полководцев. Суворов... Кутузов... Багратион... Нет, ни у кого не было побед при таком численном соотношении сил. А ведь от завтрашней операции могла зависеть судьба

Царицына! Было от чего волноваться.

Я вышел из кабинета и встретил Чеботарёва, широкими шагами измерявшего длину коридора.

— Не спится? — спросил я.

— Уснёшь тут! — буркнул Чеботарёв. — Что-то сейчас в Дубовке?..

— Не веришь?

— Да как сказать! Верить-то верю, а всё-таки жутко: больно силы неравны.

Мы прошлись по штабу, зашли в караульное помещение. Там не спал ни один сменившийся часовой.

— Ничего... оттуда?.. — спросил нас один боец. Видно, беспокоились и солдаты. Всех волновал исход завтрашнего боя.

Заглянули в окно комнаты товарища Ключева. Он тоже не спал: низко склонившись над столом, читал какую-то книгу.

В коридоре встретили Ковальчука, моего заместителя по оперативной части. Он отчаянно курил самокрутку, пуская в воздух густые клубы махорочного дыма. Словом, никто в штабе не был спокоен.

Вот, наконец, и рассвет. Пробило семь часов.

Бегу к телеграфному аппарату:

— Быстренно вызовите штаб Будённого! — приказываю телеграфисту. Тот скоро соединяется с Дубовкой.

— Попросите к аппарату товарища Будённого!

— Товарища Будённого нет, он в бою, — отвечает Дубовка.

Через двадцать минут тот же вопрос, и тот же ответ:

— Будённый в бою...

Ещё двадцать минут, и снова Дубовка отвечает:

— Будённый в бою...

Неизвестность томит. Волнение достигло предельного напряжения. Наконец, в 8.00 на телеграфной ленте прочитали: «У аппарата Будённый».

— Здравствуйте, Семён Михайлович! Как ваши успехи? Доложите обстановку.

— Положение восстановлено, — доносит телеграф. — Принимайте пленных.

Это было уж совсем неожиданно. Спрашиваю:

— Какие у вас потери?

— Ранено пять человек. Донесение вышло через час.

Не чуя под собой ног, вбежал я в кабинет товарища Ключева.

— Товарищ начальник штаба армии, — радостно доложил я, — сейчас имел разговор с Будённым. Положение восстановлено, захвачены пленные, наши потери — пять раненых. Через час вышлет донесение.

Ключев погладил коротко подстриженный ёршик и с улыбкой посмотрел на меня сквозь очки в золотой оправе, будто сказать хотел: «Что вы мне, молодой человек, сказки рассказываете!» Но вместо этого спокойно приказал:

— Вышлите дежурный эскадрон встретить пленных. Когда придёт донесение, немедленно доложите!

Из присланного донесения и рассказов очевидцев выяснились следующие подробности.

Вернувшись из Царицына, Будённый тотчас же собрал своих командиров. План боя созрел в голове ещё по пути в Дубовку.

— Первой сотне через час скрытно выйти в тыл белых, — спокойно говорил Семён Михайлович, — обойти их справа и укрепиться в хуторе Булин. Задача — не допустить отхода казаков к востоку.

— Второй сотне, — продолжал Будённый, — обойти беляков слева, перерезать дороги, ведущие от Дубовки на юго-восток. Главное — больше пыли и не жалеть глоток! Делать вид, что здесь не сотня, а полк.

— Третьей, четвёртой и пятой сотням, вместе с броневиками, атаковать пехоту во фланг и тыл. Остальным — атаковать конницу. Девятой сотне поручаю артиллерию. Лошадей накормить немедленно. Разведку вести исправно!

Отдав приказ, Будённый сам выехал в разведку.

Белоказаки настолько были уверены в своём превосходстве и скорой победе, что расположились, не приняв никаких мер предосторожности. Разведать их расположение

было нетрудно. Семён Михайлович проделал это со всей тщательностью, нашёл удобные подступы к артиллерии врага, к его полкам.

Будённовцы тем временем готовились к бою: кормили лошадей, точили шашки, чинили сбрую.

Ровно в 5.00 в тёмное, почти чёрное, небо взвились, прорезав мрак, красные ракеты. И сразу степь наполнилась цокотом копыт, звоном оружия. Сверкнули клинки. Началась атака.

Первый удар пришёлся по вражеским батареям. Красные конники налетели на орудийную прислугу так неожиданно, что ни одно орудие не успело произвести ни одного выстрела. Половина артиллеристов была изрублена, остальные поспешили поднять руки вверх.

— Вертай орудия! — кричал с коня командир сотни. — Нечего руки к небу тянуть, берись за лафеты!

Прислуга, подгоняемая будённовцами, кинулась к орудиям.

— Наводи на офицеров! — командовал в темноте командир. — Шрапнелью огонь! Знай Будённого!

Офицерский полк был единственной частью белых, не растерявшейся в суматохе и организовавшей сопротивление. Но огонь «своих» батарей, накрывших офицеров шрапнелью, заставил их сначала дрогнуть, а потом и бежать к хутору Тетерино.

В это же время три сотни будённовцев с двумя броневиками и пулемётными тачанками врезались во фланг пехотным частям.

— Будённый идё-ёт! — несло по степи. Тучи пыли взметались из-под копыт. Пыль закрывала коней, седоков, и только где-то над нею в первых лучах солнца сверкали клинки.

— Будённый идё-ёт!

Пехотный полк — молодые, только что мобилизованные казаки — в панике бросился враспынную. Многие бросали оружие и сдавались в плен.

Большая часть офицерского полка была перебита шрапнелью. Остальные в довершение всего попали под огонь броневику и, видя бесполезность сопротивления, сдались. А где-то в степи металась от хутора Булин



до хутора Тетерино, зажатая в клещи белая конница. У неё тоже был только один выход — сдаться.

Поздно вечером к зданию штаба армии подошли пленные: полк пехоты, две сотни конников и полный дивизион полевой артиллерии с орудиями и боеприпасами.

Прошло несколько дней. Белые больше не пытались штурмовать Царицын. Бой под Дубовкой прочно отбил им эту охоту. Но плана захвата Царицына они не оставляли.

Однажды в штаб армии привели перебежчика. Молодой казак был и рад тому, что удрал из армии белых, и немного напуган.

— Из Нижне-Чирской я, — говорил он. — Из станицы... Мобилизовали нас только-только и всех в пехоту... На станции Карповка... Там формируется корпус.

Рассказ казака-перебежчика нужно было проверить. Карповка от Царицына находилась в 40 километрах, требовалась глубокая разведка.

Когда об этом рассказали Будённому, прося выделить разведчиков,

Семён Михайлович, подумав, сказал:

— Сам пойду. Возьму с собой два взвода. Посмотрим, какой там у них корпус!..

Поздно вечером из Царицына выехал небольшой конный отряд. Ночь словно решила помочь разведчикам, спрятав луну за тучи. А степные балки совсем скрыли группу. По этим балкам—оврагам, протянувшимся на многие километры, можно провести незамеченным не то что взвод, а, пожалуй, целый полк! В степи балки расходятся по всем направлениям — поезжай, куда нужно!

Всю ночь бесшумно пробирался отряд. Копыта коней были обмотаны тряпками, чтобы не стучали подковы. С рассветом замаскировались, дали отдохнуть лошадям, а когда снова стемнело, двинулись дальше.

Поздней ночью будённовцы подошли к Карповке.

На станционных путях стояли эшелоны. Среди серых теплушек выделялось несколько классных ва-



гонов. Тишина окутывала спящий корпус врага.

Разведчики спешили, пробрались в пристанционный садик, перелезли через платформу. Часовых сняли бесшумно.

Нападения, конечно, никто не ожидал. Солдаты мирно спали в теплушках, в классных вагонах спали «господа офицеры».

Высланные вперёд разведчики доложили:

— Путь свободен.

Будённый коротко поставил задачу.

Разорвалась тишина. Разлетелась на мелкие кусочки. Повисло в воздухе:

— Будённый идё-ёт!

Взвод бросился к эшелонам. Заскрежетали двери теплушек. Будёновцы выпускали оторопевших казаков, напутственно крича им:

— Расходись, ребята! По домам! Будённый отпуск даёт!

Мобилизованные охотно разбежались.

Половина взвода оцепила офицерский вагон, ворвалась в него. Офицеры не успели схватиться за оружие, как познакомились с точкой будёновских клинков.

В это время сам Будённый с несколькими бойцами вскочил в классный вагон, в окнах которого виднелся свет.

— Руки вверх! Сопротивление бесполезно!

Вагон оказался штабом. Семён Михайлович схватил несколько папок с бумагами и картами и уже направился к выходу, как вдруг зазвонил телефон. Будённый спокойно снял трубку.

— Да, Карповка слушает. Штаб? Ваш штаб разгромлен. Кто говорит? Будённый говорит.

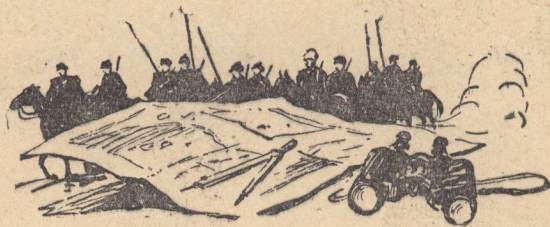
Со станции будёновцы ушли так же незаметно, как и появились. Через день небольшой отряд без потерь вернулся в Царицын.

В захваченных документах оказалось много ценных сведений. А в одном из приказов мы прочли о том, что из трёх кавалерийских полков, действовавших под Дубовкой, после боя с трудом удалось сформировать лишь один полк.

...В конце октября Десятая Красная Армия, пополненная отрядами царицынских рабочих и поддержанная подошедшей Стальной дивизией, перешла в контрнаступление. Белоказачьи банды были разбиты и отброшены за Дон. Одних убитых и раненых потеряли они тогда до 18 тысяч человек.

Отряд Будённого тоже пополнился, переформировался в дивизию и положил начало легендарной Первой Конной Армии. И не раз ещё на многих и многих фронтах вздрагивал враг, слыша боевой клич:

— Будённый идё-ёт!





Мики и Марко

ЭТУ маленькую историю рассказал мой приятель, оператор кинохроники. По своим делам ему приходится бывать в разных странах, и всяких историй он знает множество. Мой друг — человек уже опытный и навряд ли он станет что-нибудь выдумывать.

Вот я и попросил у друга

разрешения пересказать вам через «Искорку» то, что от него услышал.

В большом городе, не то во Франции, не то в Бельгии, — точно не запомнил, — давал представления известный цирк. Лучшим номером программы были выступления дрессировщика Марко с тремя слонами,

среди которых славился огромный слон Мики. Это был чудо-слон, трудолюб и весельчак, — прирожденный артист. Он трубил в хобот, аккомпанируя цирковому оркестру, поднявшись на задние ноги, танцевал румбу и, как заправский эквилибрист, катался на гигантском шаре.

Дети, кто только мог, стремились увидеть славного Мики. С детьми шли и взрослые, которые лишь делают вид, что ходят в цирк ради детей, а вообще-то сами не прочь посмотреть на разных клоунов и зверей.

Мики был скромный и простодушный слон. За все свои фокусы он получал в день пол-



грузовика сена и три кадушки сахарной свёклы, вовсе не требуя прибавки за выпадающий на его долю успех, как это делают другие артисты.

С цирковой арены Мики уходил под гром аплодисментов и шумные крики восторга. На ходу он подхватывал хоботом и уносил за кулисы дрессировщика Марко, с которым был в самых дружеских отношениях.

Слонов в мире мало, и всюду они дороги, а в особенности в Европе. Мики стоил столько, что на эти деньги можно выстроить дом в несколько квартир и обставить их мебелью.

У цирка был хозяин, толстый человек с чёрными крашеными усиками. Сам он, конечно, не выступал, но ему одному принадлежали все звери-артисты.

У него служили все акробаты, наездницы и дрессировщики, что по вечерам удивляли публику. Под конец представления хозяин во фраке выходил на арену и раскланивался так, что можно было подумать, — все аплодисменты, которые зарабатывали актёры, принадлежали ему.

Хозяин цирка богател, а Мики и Марко работали. Но они не завидовали хозяину; оба они были довольны своей работой и любили друг друга. Да и как могло быть иначе? Ведь они же каждый вечер выручали один другого.

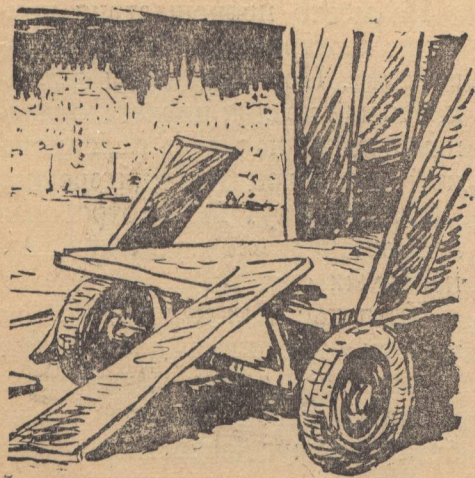
И вот однажды случилось несчастье. Мики заболел. У слонов, этих толстокожих громадин, бывает такая болезнь — нервное расстройство. Как это началось, не заметил даже са-

мый близкий Мики человек — дрессировщик Марко. То ли Мики внезапно затосковал по воле, то ли однажды чего-то очень ис-



пугался. Надо вам сказать, что слоны, несмотря на свой гигантский рост, могут, например, в ужасе шарахнуться, увидев пробежавшую близко мышь. Словом, неизвестно с чего, но Мики затосковал. Сперва он, как маятником, качал своим хоботом, стал безразличен ко всякой еде и потускневшими глазами, печально смотрел на своего, потерявшего покой, друга Марко. Но затем случилось худшее. Однажды Мики, — добрый Мики, — ни с того ни с сего ударил хоботом проходившую мимо его стойла цирковую лошадь. Удар был таким сильным, что лошадь больше уже не могла выступать в цирке. Пришлось убрать Мики подальше от других животных. Конечно, и на публику выпускать его стало опасным.

Меж тем никто не мог заменить Мики на арене. Ни его брат, неуклюжий и ленивый Самбо, ни их мать, медлительная и спокойная слониха Дора, которые всегда выступали вместе с Мики.



Шли дни. Мики не выздоравливал. Публика каждый вечер неистовствовала и требовала выхода своего любимца. Пришлось объявить о его болезни. Сборы в цирке резко падали. Хозяин был в отчаянии. Ещё бы, ведь Мики принёс ему столько денег! Хозяин так расстраивался, что порой забывал бриться и начернить свои седеющие усики. Он приглашал самых лучших ветеринаров. Но те, издали посмотрев на Мики, пожимали плечами и говорили, что им ещё никогда не приходилось лечить слонов. Пробовали обратиться и к известному профессору-психиатру, но тот заявил, что в слоновых мозгах разбирается слабо и помочь вряд ли чем может. Однако сказал, что болезнь, по его мнению, может кончиться так же внезапно, как и началась, хотя когда это произойдёт, профессор не знал.

Хозяин цирка худел на глазах. В конце концов он решил продать Мики.

Когда Марко об этом узнал, он не мог найти себе места от горя. Марко принялся уговаривать хозяина. Уверял, что ещё не всё потеряно. Мики выздоровеет и опять станет радовать публику. Можно ещё немного подождать. Ведь Мики столько принёс дохода цирку, что имеет право поболеть хоть месяц. Но хозяин и слушать не хотел Марко. Он сказал, что слон разорит его на одной только сахарной свёкле.

Марко ушёл ни с чем. Половину ночи после представления он провёл в одиночестве, а на рассвете вернулся в цирк, обнимал морщинистый хобот слона

и уверял Мики, что скажет хозяину всё, что о нём думает.

Мики покупал зверинец, который принадлежал городскому муниципалитету. Директор зверинца не мог заплатить за слона столько, сколько хотел хозяин цирка, и они долго торговались. Хозяин вытирал слезу и уверял, что только из добрых чувств к жителям города отдаст Мики. Директор зверинца благодарил, но помочь хозяину ничем не мог. Достаточно повздыхав, хозяин, в конце концов, продал Мики.

Потом он вызвал Марко и велел отвести ночью Мики в зверинец. Но Марко наотрез отказался провожать своего друга в клетку. Хозяин цирка раскричался и грозил прогнать дрессировщика. Но Марко остался непреклонен.

Делать было нечего. По договору хозяин обещал доставить слона в зверинец. Тогда наняли тележку-прицеп, на которых возят самые большие и тяжёлые машины. По краям тележки сколотили высокие стены наподобие стойла. В эту громадную деревянную коробку ввели Мики и повезли ночью по городу.

Мерно урча, маленький сильный тягач тащил прицеп по затихающим улицам. Запоздалым прохожим и в голову не могло прийти, что в гигантском ящике едет покидающий цирк слон Мики.

Странное ссоружение на колёсах уже было миновало центр, как вдруг в городе выключилось электричество. Разом погасли яркие световые рекламы и уличные фонари, на которые

поглядывал из своей коробки Мики. Наступившая внезапно тьма, вероятно, напугала слона. Мики рванулся в сторону и с силой ударился о стенку передвижного стойла. Гигантский ящик не выдержал напора и со страшным грохотом развалился. Мики испугался ещё больше, жалобно затрубил в хобот и в страхе побежал, не видя ничего перед собой. Но тут огни на улице снова зажглись, и Мики со всего разбегу врезался в ярко освещённую витрину большого кондитерского магазина. Может быть, витрина показалась слону выходом на арену, кто его знает? Только Мики пробил головой два толстенных зеркальных стекла, вышвырнул все украшения, что были между ними, и плотно и надёжно застрял своей огромной тушей в стенах окна. При этом голова Мики оказалась в магазине, передние ноги в витрине, а задние вместе с хвостом остались на улице. Мики был настолько толстокож, что стёкла его даже не порезали. Но сдвинуться он больше не мог ни в одну сторону.

На место происшествия прибыли пожарные и отряд полицейских. Потом приехал взволнованный хозяин цирка. Последним прибыл насмерть перепуганный владелец кондитерского магазина и тут же потребовал возмещения всех убытков, нанесённых слонем.

Хотя час был и поздний, на улицах отыскалось достаточное количество зевак. Засверкали молнии фотохроникёров. Они бегали вокруг несчастного Мики и со всех сторон снимали его

зад, чтобы утром повеселить в газетах жителей города.

Мики стоял, как гранитный истукан. Только маленькие испуганные глаза его да нервно вздрагивающий хобот говорили о том, что слон жив и невредим.

Пожарные навели на Мики прожектор. Их главный брался вытащить слона из витрины, но за дальнейшую безопасность в городе не ручался. Полицейский начальник заявил, что во избежание несчастий, которые взбесившийся слон может принести жителям, его следует убить. При этой мысли у хозяина цирка, который ещё не получил ни одного франка со зверинца, начался тик. Он уговорил полицейских повременить и немедленно послал за Марко. Дрессировщика с трудом отыскали в компании его друзей — артистов, среди которых он хотел забыться в своём горе. Марко доставили на место. Как только он увидел, что случилось с его бедным слоном, глаза дрессировщика наполнились слезами. Хозяин цирка прикладывал руку к сердцу и умолял Марко спасти слона от гибели. Но Марко не стал разговаривать с хозяином, он отстранил его рукой и вошёл внутрь магазина.

Лишь только Мики узнал друга, он вздрогнул всем своим скованным телом, обнял хоботом Марко за талию и потянул его к себе.

— Спокойно, спокойно, Мики, — несколько раз повторил Марко, похлопывая слона кулаком по хоботу.

— Назад, назад Мики... Ну, два шага назад, приятель, — ласково продолжал он.

И тут произошло чудо. Мики напрягся всей своей серой громадиной и, шагнув назад, стал выбираться из окна.

Толпа отпрянула от витрины. Давя остатки сваленных им пирожных и кексов, слон выбрался из каменной колодки и оставился на тротуаре. Улица мгновенно опустела. Пожарные заняли свои места на машинах. Но слон и не думал никого преследовать. Положив хобот на плечо Марко, он спокойно ждал новой команды.

— Не возмём ли мы его назад, шеф? — крикнул дрессировщик хозяину цирка, который для безопасности укрылся в магазине. Но тот только отчаянно замахал руками:

— Ведите его, ради бога, ведите в зверинец!..

— Пойдём, дружище, — печально сказал Марко, погладив хобот на своём плече. Мики шумно фыркнул и тяжело зашагал вслед за своим избавителем. В безопасном расстоянии за ними по пустынным улицам следовали полицейские и толпа ночных гуляк.

Вслед за Марко Мики доверчиво вошёл в заранее приготовленную для него стальную клетку, чтобы навсегда там остаться. Не глядя старому другу в глаза, дрессировщик удалился.

Бывший хозяин слона получил свои деньги. На следующий день прославленный цирк покинул город. Вместе с ним уехал и дрессировщик Марко.

А дальше произошло вот что.

Слон Мики выздоровел. Вероятней всего, это случилось в ту самую ночь, когда он после испуга увидел Марко. Возмож-



но, это и так. Во всяком случае Мики снова обрёл прежний аппетит и веселье. И вот однажды, когда из летнего ресторана, расположенного неподалёку от просторной клетки Мики, донеслись звуки румбы, под которые он танцевал на арене цирка, огромный слон, к удивлению всех, кто был близко, поднялся на задние ноги и с грацией, которой всегда славился, заплясал на месте.

Со всего парка, где помещался зверинец, сбегался народ. За доставленное удовольствие

Мики немедленно получил четыре булки, которые тут же продавала ухаживающая за ним женщина. Мики смешно раскланялся и разом проглотил булки.

Удивлённый директор зверинца привёл музыкантов из ресторана и попросил их снова сыграть тот же мотив. И Мики опять поднялся на задние ноги. С тех пор он каждый день плясал и раскланивался перед публикой.

Директор зверинца сиял от счастья. Но это был умный человек, и, чтобы не утомлять сло-

на, он установил часы, когда Мики должен был танцевать. К этому времени возле его клетки собиралось столько детей и взрослых со всего города, что парк едва вмещал всех желающих. Ветви деревьев качались от криков восторга. Блестящие монетки дождём летели к ногам Мики. Он кланялся и покупал на них булки.

Слухи о том, что Мики снова здоров и приносит немалый доход зверинцу, куда его отдали за бесценно, достиг того города, где теперь выступал цирк. Хозяин цирка, дела которого шли из рук вон плохо, ахнул от досады и немедленно вызвал к себе Марко.

Он уверял дрессировщика, что страшно любит слона и раскаивается в том, что его продал. Хозяин просил Марко сейчас же отправиться и лично убедиться в том, что Мики здоров. Он говорил, что ничего не пожалеет, только бы вернуть чудесного слона назад. Самому Марко он пообещал столько денег, сколько он захочет, лишь бы тот сумел помочь делу.

Марко появился в парке в тот самый час, когда раздалась знакомая ему музыка. У клетки слона стояла непроходимая радостная толпа детей. Большинство среди них было бедняков, каких Марко не приходилось встречать в цирке. Они весело кричали и шумно аплодировали Мики. Марко стал пробираться сквозь толпу, и сердце его счастливо забилося. Он увидел

своего любимца. Тот весело кланялся и собирал монетки, которые с лёгкостью отдавали ему из своих последних сбережений благодарные зрители.

Марко знал, — приблизься он вплотную к клетке и оклики Мики, тот бы непременно узнал его. Но кто мог знать, что было бы с Мики дальше! Может быть, увидев Марко, он бы опять затосковал, лишился хорошего настроения и перестал бы доставлять радость всей этой шумной детворе. И Марко не стал пробираться к клетке — пусть Мики будет здоров и весел! Вскоре Марко покинул парк, чтобы больше уже никогда не встречаться со своим старым другом. Хозяину он сказал, что Мики его не узнал. Затем сам навсегда оставил цирк и уехал в другие края.

Что касается Мики, то он и сейчас находится в том же парке. Ему построили открытую площадку, он вполне доволен судьбой и порой танцует под звуки румбы. Никто не знает, вспоминает ли он о своём верном Марко, но, во всяком случае, Мики полюбил добрую женщину, которая за ним смотрит, и часто кладёт ей хобот на плечо, как когда-то клал его на плечо Марко.

Хозяин цирка очень хотел вернуть себе доходного слона, но Мики ему не отдали. В конце концов он разорился и закрыл свой цирк. Но его никто не жалел.

Вот и вся история.

КАПИТАН

Вовке стукнуло четыре.
И соседи потому
Бескозырку подарили
В день рождения ему.



Стал ходить в ней Вовка
важно, —
Хоть портрет с него пиши!



Он в кораблике бумажном
Покорить моря решил.

Встав наутро очень рано,
Отвернул он в ванне кран,
И сейчас же наша ванна
Превратилась в океан.



Капитан рукою смелой
Заставлял кораблик плыть
И за этим важным делом
В ванне кран забыл закрыть.

Дождик капает из душа,
Волны ходят ходуном.
Заливает море сушу —
Дом, в котором мы живём.

По волнам плывут в прихожей
Зонтик, боты, два ведра,
Даже папины галоши
Превратились в катера.



Волны с ходу бьют о двери,
Дескать, в комнату впусти!
И соседке тётке Вере
На работу не уйти.



Тётя Вера — к телефону:
— Окажите помощь нам!
Все жильцы в квартире
тонут!
Вещи мчатся по волнам. —

Как помочь такому горю?
Море плещет у дверей.



Вовка сам по коридору
Едет в мамином ведре.

Дядя Коля — наш
спаситель —
Вышел, запер в ванне кран



И огромной тряпкой вытер
Коридорный океан.

Сразу замерли в прихожей
Зонтик, боты, два ведра.
Сразу в папины галоши
Превратились катера.

И в квартире все довольны.
Только плачет капитан:
— Где же вы, морские
волны?

Где ж ты, бурный океан?

Дядя Коля скор с ответом:
— Подожди! Настанет год—
Поведёшь, дружок, по свету
Настоящий пароход.

Будет ветер! Будут волны!
Будет бурный океан!



Ты прикажешь: «Самый
полный!»
«Есть, — ответят, —
капитан!»



Ну и радость у Катюши!

Катюша бежит и поёт на бегу.
Катюшу никак я узнать не могу:
Вчера принесла в дневнике единицу,
А нынче поёт и щебечет, как птица!
Вприпрыжку из школы с портфелем
бежит.

— Чему ты так рада, Катюша, скажи?

— Исправила я единицу свою!

Мне двойку поставили —
Вот и пою!

В. СУСЛОВ

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)



Содержание предыдущих глав

Во время оккупации Брестской области два мальчика — Володька и Коля Гайшик собирали для партизан брошенное оружие.

Отец Коли, Василий Демьянович, до войны был председателем сельсовета, и через него партизаны поддерживали связь с населением. Он, чем мог, помогал им.

Выполняя задание партизан — доставить листовки в село Ивацевичи, где находилась немецкая комендатура, Коля чуть не попал в беду. Он встретил Козича, который выдал фашистам его отца. Полукалейкой вернулся отец из фашистского застенка. Но предатель Козич не сумел ничего у Коли выведать и не увидел ловко спрятанные в бидон с молоком листовки. Этот свёрток заметила женщина, у которой жил Козич, — Варвара, но она не выдала Колю. Листовки попали по назначению.

В партизанском лагере с каждым днём росла нужда в оружии. Раздобыть его взялись партизан Сергей и его юный помощник Ванюша. Рано утром они вышли из лагеря на лыжах, а к вечеру достигли цели. У дороги, идущей к посёлку, они увидели старика, тянувшего сани с берёзовыми чурками. Сергей, оставив Ваню в засаде, остановил старика и выяснил, что в посёлке разместились фашисты, охраняющие шоссе на Ивацевичи и близлежащий мост.

Посовещавшись с Ванюшей, Сергей принял смелый план. Как только стемнело, он забрался под мост и сидел там, пока не раздался скрип шагов и разговор. Увидев спины трёх солдат с автоматами, Сергей выскочил и решительно крикнул:

— Хальт! Руки вверх! Вы окружены!

Солдаты растерялись. Сергей забрал у них оружие, одежду и поспешил к Ванюше. После этого разведчики стали на лыжи и двинулись в обратный путь.

Пациент доктора Краммера

В САНКАХ, повстречавшихся Коле на шоссе, когда он возвращался с пустым бидоном и мешочком муки, лежали гитлеровцы, в которых стрелял из дробовика Ванюша.

Продолжение. Начало см. №№ 2-3—8.

Их привезли в Ивацевичи и положили в полевой госпиталь.

Один под утро умер от потери крови. Над вторым колдовал госпитальный хирург доктор Краммер, маленький человечек с дряблым, отёкшим лицом и ловкими костистыми пальцами.

Доктор Краммер не любил людей. Когда на операционный стол клали раненого, Краммер меньше всего ду-

мал о том, что перед ним страдающий человек и он, врач, должен облегчить его страдания. Перед ним был «клинический случай», обычный или необычный, интересный или неинтересный — и только.

Краммер никогда не прослеживал больного до момента выздоровления. Он резал, извлекал осколки, штопал, латал, и когда больного снимали с операционного стола, он переставал интересоваться Краммером. Дальше им занимались другие врачи. Не имели для хирурга значения ни тяжесть ранений, ни звание раненого, ни должность, которую тот занимал в огромной армейской машине.

Однажды он оперировал генерала, тяжело раненного в ногу. Через сутки генерал попросил вызвать к нему хирурга.

Начальник госпиталя поспешил в операционную и сообщил Краммеру просьбу генерала.

Краммер недоумевающе пожал плечами, приподнял рыжеватые брови:

— Меня зовёт генерал? Он что, нуждается в повторной операции?

Услышав отрицательный ответ, Краммер сердито нахохлился:

— Скажите вашему генералу, что я занят. Мне некогда. Мы побеседуем, когда он снова попадёт на стол.

Начальник госпиталя попытался

было объяснить Краммеру, что генерал — лицо влиятельное, встречей с ним пренебрегать нельзя, да и неприлично врачу не явиться на зов больного. Но поняв, что объяснение бесполезно, только махнул рукой и побрёл выгораживать Краммера перед генералом. Он бы с удовольствием утопил строптивого хирурга в ложке воды, но хорошие хирурги не валяются на дорогах. А вдруг шальной осколок ранит его самого, начальника госпиталя? Кто тогда спасёт его драгоценную жизнь? Нет, Краммера надо беречь!

Краммер осматривал положенного на стол солдата и тихонько причмокивал губами, будто сосал леденец. Никто не знал, что означало это причмокивание: доволен хирург или не доволен?

Только один человек понимал его: медсестра фрау Китцен, немолодая, сухая и высокая, с жёлтым, как лимон, лицом. Она много лет работала с Краммером, ещё до войны, в Гамбурге. Если бы у персонала госпиталя спросили, какой голос у фрау Китцен, вряд ли кто-нибудь смог бы ответить. Никто не слышал его. Никто никогда с ней не разговаривал, даже начальник госпиталя. Иные считали её ненормальной, иные просто побаивались. Но Краммер работал только с ней. Она понимала его без слов. Стоило хирургу протянуть руку, и пальцы его наталкивались как раз на тот предмет, который ему был нужен.

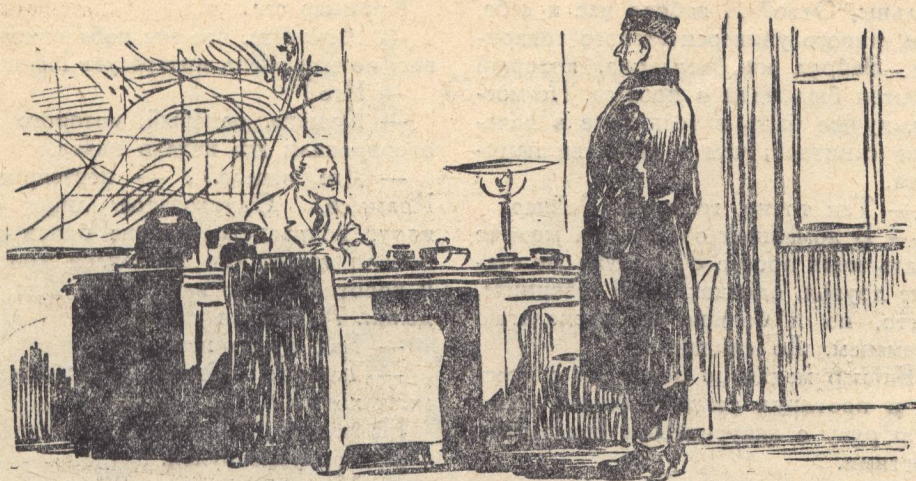
Краммер причмокивал, осматривая раненого солдата, и фрау Китцен понимала: он чем-то удивлён.

А удивляться было чему: девять ранений в голову и грудь, нанесённых выстрелом из непонятного оружия странными осколками свинца. Выстрел был сделан почти в упор, на лице раненого следы порохового ожога.

«Клинический случай» казался интересным, и Краммер принялся за работу.

А через несколько часов к дому, окружённому проволокой, подошёл немецкий солдат. Он сказал несколько слов часовому, вошёл за колючую





ограду, пересек дворик и, тщательно отряхнув с сапог снег, скрылся за дверью.

Господин Эрих Вайнер принял солдата в кабинете.

Солдат стоял навывтяжку перед письменным столом и, не мигая, смотрел на Вайнера, на его свежее, выбритое лицо, на аккуратно подстриженные усики, на старательно причёсанные светлые волосы. До солдатского носа долетал тонкий запах хорошего одеколона. Он вызвал воспоминания о давно утраченном мире и покое. О мире, в котором тихая квартиры пахла книгами, тёплая вода в сияющей белизной ванне — хвоей, кухня наполнялась ароматом жареного рождественского гуся и тушёной капусты, улицы были пропитаны свежестью моря.

Запах хорошего одеколона тоже принадлежал к запахам утраченного мира, и солдат подавил печальный вздох и вдруг громко шмыгнул носом, будто всхлипнул.

Вайнер удивлённо взглянул на солдата:

— Что с вами, Отто?

— Это от этих проклятых морозов, господин Вайнер, — промямлил солдат. — Как тут живут люди?!

— Славяне — скоты, вот и живут.

— Так точно, — сказал солдат.

Вайнер улыбнулся, на щеках его обозначились нежные ямочки.

— Что нового, Отто? Вы пришли в неурочный час...

— У нас в госпитале появились раненные с очень странными ранениями.

— Вот как? — Вайнер насторожился.

— Один умер от потери крови. Второго оперировал Краммёр. Извлёк восемь осколков из девяти. Свинец, знаете ли. Будто шрапнель. Стрелял партизан из неизвестного оружия. Солдат уверяет, что это новая ручная пушка.

Вайнер нахмурился:

— Чепуха!

— Вы просили докладывать обо всём...

— Правильно, Отто! Вы поступили правильно. Но разговоры о пушке — чепуха. Я сам поговорю с солдатом. Он что-нибудь перепутал от страха. Больше ничего?

— Ничего.

— А как фамилия солдата?

— Крашке.

— Хорошо. Я побеседую с ним. — Вайнер что-то записал в книжку, лежащую на столе, и снова улыбнулся. — Вы так на меня смотрите, Отто, будто я начал стареть.

— О, нет. Вы отлично выглядите! А вот я... Устаю... От этих слепых, сквозных, касательных, рваных ран, от раздробленных костей, от вечного запаха госпиталя...

— Война скоро кончится, — сказал Вайнер. — Неужели вы недо-

вольны, Отто? Я забрал вас к себе, как старого университетского товарища. Забрал из батальона, который должен был идти в прорыв. По-моему, лучше быть в госпитале в качестве санитаря, чем в качестве пациента.

— Так точно, господин Вайнер.

— В домашней обстановке можете звать меня просто Эрих. Мы же старые друзья, однокашники! Извините, Отто, но я больше не располагаю временем. До свиданья.

Вайнер медленно поднялся с кресла и протянул солдату белую холёную руку с аккуратными овальными ногтями.

Солдат вышел из колючей ограды и побрёл по заснеженной улице к госпиталю. По дороге он с горечью подумал о том, что его «однокашник» даже не предложил ему сесть.

Через две недели Эрих Вайнер посетил госпиталь. Его сопровождали комендант Штумм и двое автоматчиков. Предупреждённый начальник госпиталя встретил их у дверей и провёл в свой кабинет.

Вайнер и Штумм уселись в кресла. Автоматчики остались в коридоре.

— Пригласите сюда доктора Краммера. Меня интересует один его пациент.

— Слушаюсь, — сказал начальник госпиталя, неловко пошатнулся, стараясь повернуться по-военному, и выбежал из кабинета.

Через несколько минут он возвратился с Краммером.

— Садитесь, доктор Краммер, — любезно пригласил Вайнер.

Краммер сел.

— Извините, что мы побеспокоили вас, но нас очень интересует Крашке.

— Кто?

— Крашке, раненый, которого вы оперировали две недели назад.

— Две недели?.. — переспросил Краммер. Одутловатое лицо его вдруг покраснело, рыжие брови поползли вверх. Он засмеялся хрипло и коротко, будто залаял: — Две недели... А что, он умер?

— Как будто нет...

— Так что же вы, чёрт побери, от меня хотите?

Начальник госпиталя побледнел.

Вайнер усмехнулся.

— Мы хотим знать, каково его состояние. Может ли он разговаривать?

Краммер развёл руками.

— Понятия не имею. А что у него за ранение?

— Вы извлекли восемь осколков из девяти, — чётко сказал Вайнер. — Осколки были свинцовые, неизвестного происхождения.

Краммер сдвинул брови и, вспомнив, улыбнулся:

— Славный малый! Из него чуть было не сделали решето! — Он удовлетворённо потёр руки. — Славное решето... Я штопал его дыры часа четыре.





Штумм засмеялся. У начальника госпиталя от ужаса подкосились ноги. Он прислонился к дверному косяку. Смех Штумма был подобен раскатам грома. Грузное тело его сотрясало, будто в нём бушевала гроза. Глаза налились кровью. Между раскатами смеха вырывались слова:

— Решето... Штопал...

Вайнер поморщился и терпеливо ждал. Наконец Штумм отсмеялся и хлопнул Краммера по спине так, что у того ляснули зубы.

— Решето?... А?... Приходите ко мне... На коньяк...

— Я не пью, — сердито сказал Краммер. — После коньяка трясутся руки. Когда вас положат ко мне на стол, я могу ткнуть скальпель не в то место.

Это была неслыханная дерзость. Штумм вдруг притих и оторопело посмотрел на Краммера. Эта тщедушная, но отчаянная медицинская козьявка невольно внушала ему почтение.

Начальник госпиталя, придерживая рукой скачущее сердце, сказал, чуть заикаясь:

— Доктор Краммер... только оперирует... К сожалению, много работы... После операции раненные поступают к лечащим врачам. Крашке я осматривал... Состояние хорошее...

— Я хочу его видеть, — резко сказал Вайнер.

— Пожалуйста. Пройдёмте.

— Останьтесь здесь, Штумм! — приказал Вайнер.

— Слушаюсь.

Вайнер вышел из кабинета в сопровождении начальника госпиталя. Краммер тоже хотел уйти, но Штумм задержал его и сказал, вдруг переходя на «ты»:

— Значит, думаешь, что тебе придётся меня резать?

У Краммера в отёкших глазах сверкнул злой огонёк.

— Если понадобится, я сделаю это. Но без всякого удовольствия. В тебе слишком много сала.

Штумм выкатил глаза, не зная, как поступить: схватиться за пистолет или засмеяться.

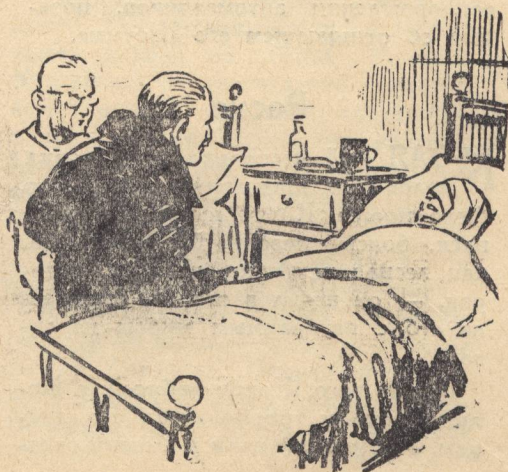
— Много сала? — переспросил он.

— Ну да... — Краммер ядовито усмехнулся. — Слишком много доброго немецкого сала. — И он вышел, хлопнув дверью.

— А, чёрт! — выругался Штумм, уселся в кресло и засопел. Потом хмыкнул. Слова «доброе немецкое сало» пришлись ему по душе.

Между тем Вайнер шёл с начальником госпиталя по коридору. Госпиталь занимал здание бывшей больницы и прилегающие к нему дома, из которых выселили жителей.

В коридоре стоял удушливый запах незаживших ран. Вайнер прикрыл нос надушенным платком.



Несмотря на то, что фронт был далеко, госпиталь был переполнен. Человеческие страдания, собранные здесь вместе, не вызывали у Вайнера чувства сострадания. Они только раздражали его. Ему хотелось поскорее уйти отсюда на морозный воздух. Поэтому разговор с Крашке был коротким.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего.

— Врачи говорят, что вы поправитесь, только не будете видеть одним глазом.

Молчание.

— Из какого оружия в вас стреляли?

— Из ручной пушки.

— Таких нету.

— Спросите у Зельца.

— Зельц умер две недели назад.

Молчание.

— Вы помните человека, который стрелял в вас?

— Да.

— И узнали бы его, если бы встретили?

— Ещё бы!

— Хорошо. Когда вы поправитесь, вас приведут ко мне.

— А отпуск?

— Вы получите отпуск и деньги впридачу. Об этом позабочусь я.

Молчание.

— Поправляйтесь, Крашке. До свиданья.

— До свиданья.

Эрих Вайнер вышел на улицу в сопровождении автоматчиков, позабыв об ожидающем его Штумме.

Весна

КОЛЯ ещё несколько раз возил молоко в Ивацевичи. Теперь это было проще. Козич выдал ему пропуск, боясь разорвать тоненькую, как лесная паутинка, ниточку, которая, — он верил в это, — связывала его с неуловимым миром партизан.

Кроме того, Козич забирал у Коли молоко и перепродавал его немцам. Немцы покупали у Козича охот-

но. В Ивацевичи доходили слухи о случаях отравления оккупантов мышьяком, цианистым калием и ещё какими-то ядами, и немцы не без страха выменивали на базаре сигареты и разную мелочь на продукты. Покупать у Козича было спокойнее, хоть прижимистый старик и драл втридорога да при этом пускался в длинные объяснения: как трудно ему возить молоко из своей усадьбы чуть ли не за двадцать вёрст!

Коля старался попасть к Козичу в такой час, когда того не было дома. Но непременно дожидался возвращения его к обеду. Передавал привет от Тарасихи и подробно рассказывал деревенские «новости», которые придумывал в течение долгого пути от Вольки до Ивацевичей.

Но о чём бы ни рассказывал Коля, Козич непременно сводил разговор к партизанам: и какие это удивительные люди, и как им худо приходится в зимних лесных снегах, и поесть-то им, бедненьким, верно, нечего...

Как только Козич начинал жалеть партизан, Коля настораживался, лицо его оставалось простодушным, а внутри всё напрягалось, каждый нерв, каждый мускул, будто перед прыжком через широкую канаву.

— Кто ж их, бедненьких, кормит-то? — спрашивал Козич.

— Люди, верно.

— Люди... — Козич вздыхал. — Я ведь тоже, чай, человек. Я б им удружил. И сало у меня есть, и мука, и пшена пара мешков найдётся на кашу.

Козич вопросительно смотрел на Колю. Но Коля понимал, что это ловушка, что верить Козичу нельзя, и говорил, глядя широко открытыми глазами прямо в лицо Козичу:

— Ой, Тарас Иванович! Вы ж теперь в начальствах. Найдите их. Может, и верно люди голодуют в лесу-то.

— И найду и найду, — ласково пел Козич. — Ежели кто, конечно, поможет найти.

Но Коля будто и вовсе не понимал намёков.

Когда Коля прощался и уходил, Козич выходил следом и шёл в от-

далении, прижимаясь к заборам, прячась за голые стволы деревьев. Должен же мальчишка зайти в какой-нибудь дом! Ведь не гоняют же его в Иващевичи из-за двух десятков литров молока! И не знал Козич, что он недалёк от истины, что ниточка партизанской связи действительно была у него в руках, но, невидимая, ускользала.



Не знал Козич, что пока он следил за Колей, из избы, торопливо накинув на голову платок, выходила Варвара и шла к дому тёти Кати «за солью» или «за спичками». А за пазухой у неё лежал маленький свёрток, обёрнутый в чёрную непромокаемую ткань. Свёрток, за который Козич дорого дал бы.

А Коля знал, что за ним следит Козич, и шёл не оборачиваясь. Весело поскрипывали за спиной санки. Весело было на душе. Хорошо проведи врага, посмеяться над ним!

Обратный путь казался коротким. Меж голубых сугробов вилась знакомая тропа. Похрустывал подмёрзший снег. На перекрёстке, там, где тропа сворачивала в лес, отчаянно дрались из-за каких-то крошек воробы.

Коля шёл и думал. Он любил так

вот идти и идти, ничего не замечая кругом, и думать.

О чём?

Мысли бегут и сменяют друг друга. Лёгкие и хрупкие, как пар от дыхания, что серебряным инеем оседает на овчине воротника. В мыслях и далёкий лесной лагерь, о котором столько слышал рассказов, и Сергей-богатырь, отбирающий автоматы у солдат, и рвущиеся на минах вражеские автомашины, и Еленка...

Чаше всего он думает об Еленке. Мысли о партизанах вызывают чувство гордости. Как-то сильнее становишься от того, что есть у тебя такие друзья. А от мысли об Еленке вдруг тепло становится на сердце. Тепло и тревожно. Почему?

Он видит перед собою её большие, удивлённые серые глаза, вздёрнутый нос. Чувствует в пальцах её горячую ладошку...

Свернуть бы в Яблонку. Невелик крюк! Но нельзя. Дома, наверное, ждёт связной из отряда Алексея. Кто знает, что за сведения в маленькой бумажной трубочке, спрятанной в чуть отставшую подошву валенка! Может быть, там — судьба отряда, десятки человеческих жизней.

Надо спешить.

Если бы мальчишки узнали, что он думает об Еленке, — засмеяли бы!

А вот Володька не стал бы смеяться. Где он сейчас? С осени пуст их дом в Серадове. Заколочены ставни и двери старыми досками. Может, Володька давно уже в каком-нибудь отряде?



Хорошо в отряде!.. Когда-нибудь возьмут и его, Колю. Автомат дадут, гранаты. И он будет выползать на дороги с толовыми шашками, грозный и неуловимый народный мститель. И рядом будет Еленка — храбрый и верный товарищ. И полетят на воздух мосты и эшелоны, склады и грузовики. Смерть немецким оккупантам!

Шли дни, недели, и наступила весна. Подули тёплые ветры. Под их напором снег потемнел, стал пористым, осел. Потянулись в низину, к болотам, тоненькие журчащие ручейки. Ночью мороз останавливал их бег, и всё кругом стихало, но по утрам, будто очнувшись от заколдованного сна, они снова начинали свой бег. Тихое журчанье превращалось в звон. Сквозь облака прорывалось солнце, по-весеннему ласковое. Весь мир наполнялся удивительными запахами оттаявшей прошлогодней листвы, прелой соломы и ледяной струящейся влаги.

Чёрными стали следы полозьев на дороге. С мокрых ветвей яблонь последними каплями стекала зима. И только в лесу она ещё цепко держалась сугробами в ельниках, да залитым вешней водою, посиневшим от злости болотным льдом.

Всё труднее становилось добираться связным из лагеря. Дороги и тро-

пы расслакли. Движение по ним стало невозможным. Надобность возить молоко в Ивацевичи отпала.

Коля сидел дома. Починил покосившийся забор. Перебрал картофель на семена. Прорыл канавки на огороде, чтобы в них отстаивалась талая вода. И всё-таки вынужденное безделье тяготило. По вечерам он сидел на крыльце, завернувшись в тёплый отцовский тулуп. Ветер ласково трогал волосы, гладил щёки. Пел о чём-то ручеёк в саду. Быстро темнело небо. Одна за другой зажигались неяркие весенние звёзды.

Почему не приходит Еленка? Ведь здесь же недалеко?

А, может, самому пойти? Нет. Ну, что он ей скажет? Зачем пришёл? Не говорить же, что он думает о ней всё время! Что от мыслей этих звёзды становятся ближе и звонче поёт ручей, и понимаешь, о чём он поёт...

И всё-таки в один погожий солнечный денёк он пошёл в Яблонку.

Он шёл медленно, помахивая прутиком, а очень хотелось бежать.

Он шёл медленно, а сердце билось часто, часто, и было немного страшно. Даже страшнее, чем тогда, когда вёз молоко в Ивацевичи в первый раз.

Он прошёл через Вольку, и никто не окликнул его. А, может, кто и окликнул, да он не слышал, так громко вокруг и в нём самом шумела весна.

Где-то далеко-далеко залаяла собака. Серdito на кого-то закричала ворона.





Вон и первые избы Яблонки, тёмные, кряжистые, окружённые голыми ветвистыми яблонями. Почему же тяжёлыми стали ноги, так сильно увязают в талом снегу?

Коля остановился и вздохнул глубоко, до боли в груди. И вдруг услышал гармонию. В звенящем весеннем воздухе лились звуки то печально-тягучие, низкие, будто кто плачет, то вдруг рассыпались, звонкие, как ломающиеся льдинки, то стремились могуче и плавно, как полноводный вешний ручей.

Так играть мог только Петрусь — брат Еленки. Значит, он пришёл из отряда!

Коля потоптался немного на месте и решительно направился к хате Борисевичей.

Дверь в сени была открыта. Коля поднялся на крыльцо и перешагнул порог. Сердце сжалось, от волнения. Переводя дух, он постучал. Звуки гармони там, в избе, заглушили стук. Коля подождал минуту и робко потянул дверь на себя.

Прямо перед ним на лавке сидел Петрусь и играл на гармонии, склонив голову набок. За столом сидела Еленка, подперев подбородок кулачками, и слушала. Глаза у неё были печальны. Лицо казалось бледным и осунувшимся.

Коля стоял в дверях. Его не замечали.

Изба Борисенков была похожа на все другие избы. Такая же большая

белая печь, те же широкие лавки вдоль стен, деревянный стол. В углу — городская кровать. На никелированных шарах играло солнце.

Коля здесь бывал и раньше, но как-то не замечал ни красиво расшитого полотенца возле голубого рукомойника, ни вышитых картинок на стенах — всего, что создавало какой-то уют в избе. А теперь вдруг увидел всё сразу и понял — вышивала Еленка.

Петрусь кончил играть, поднял голову и увидел стоящего в дверях Колю.

— Это что за явление третье — те же и граф Альмавива?

Еленка повернулась. Коля заметил, как румянец залил её щеки и весело блеснули глаза, и сам залился краской от какого-то непривычного стеснения.

— Ко-оля, — протяжно сказала Еленка, вскочила из-за стола и стремительно пошла к нему, протянув руки.

Коле вдруг показалось, что сейчас она обнимет его, он зажмурился, по-

пятился и ударился головой о косяк двери.

— Ты чего? — засмеялась Еленка. Она стояла перед ним и протягивала руки. — Здравствуй.

Коля неловко пожал её пальцы и громко шмыгнул носом.

— А со мной поздороваться гордость не позволяет? — спросил Петрусь.

— Здравствуй.

— Здорово, кум Авдей! — Петрусь пожал его руку. — Давно не видались. Сидай. Рассказывай, как там у вас?

Коля сел на лавку и степенно, как отец, пожал плечами:

— Живём по-маленьку.

— Отец здоров?

— Кашляет.

— По делу или так зашёл?

— Кто?

— Я, что ли?.. Ты.

— Я-то? Так... Зашёл... Думаю, может, помочь что надо. Мужиков-то нет в доме.

Коля опустил глаза.

— Это хорошо, — сказал Петрусь. — Спасибо.

— Не за что.

— Не забываешь, — Петрусь посмотрел на Колю внимательно и серьёзно. — Ты в Ивацевичи ходил?

— Бывало, — уклончиво ответил Коля.

— Ну-ну, — Петрусь улыбнулся. — Мальчонкой был, а теперь — парень. Ничего не скажешь. Поди, зазноба сердца есть?

Коля покраснел до слёз.

— Вот ещё... скажешь...

— Ну-ну, не обижайся. Это я так, для красного словца. Еленка, мечи обед из печи! У нас сегодня, Микола, знатные щи, с хряпой!

— Я обедал, — соврал Коля.

— Щи солдату не во вред.

Петрусь стал укладывать гармонь в самодельный деревянный футляр.

Коля искося наблюдал за Еленкой, которая проворно управлялась ухватом в печи. Он видел, как нагряглось её лицо. Видно, котёл со щами был тяжёл... Ему хотелось помочь ей, но руки и ноги сковывала всё та же неловкость.

Потом сели обедать. Обедали молча. Петрусь ничего не рассказывал о лагере, а Коля не спрашивал.

После обеда Петрусь стал собираться. Положил в мешок краюху хлеба, сало, несколько луковиц.

— Далеко? — решил спросить Коля.

— Работу искать.

— Работу? — удивился Коля.

— А что? Не в лесу же сидеть сыном. Вон сеструха как исхудала! Работать надо. Дом подымать.

Коля посмотрел на Еленку. Она опустила глаза.

— На фрицев работать будешь? — Коля глянул на Петруся в упор.

Петрусь усмехнулся:

— А хоть бы и на фрицев! Ленин писал: «Деньги не пахнут».

— Не пахнут? — От безотчётной обиды к горлу вдруг подкатил какой-то комок. Он мешал дышать. Коля сжал кулаки. Как же это? Ведь Петрусь — партизан, Еленкин брат! Ведь он в лесу жил! И вдруг — к фашистам!.. — Не пахнут? — выкрикнул Коля. — Ленин тебя бы убил!

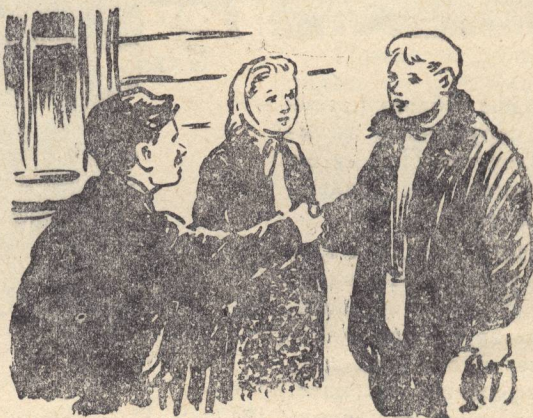
Еленка схватила его за рукав.

— Не надо, Коля. Тихе...

— Пусти! — Коля вырвал руку. — И ты за одно с ним. Ты!..

Он бросился вон из избы и побежал по улице, не разбирая дороги, прямо по лужам, разбрызгивая резиновыми сапогами талый снег. Обида душила его. По щекам катились солёные слёзы.

Еленка выбежала на крыльцо. Окликнула Колю, но он не обернулся.



Она постояла немного, вернулась в избу, бросилась на кровать. Петрусь подошёл, положил руку на вздрагивающие от рыданий худенькие плечи сестры. Сказал тихо:

— Что ты, Еленка... Не надо... Привыкай.

— Он не придёт больше... — всхлипнула она.

— Придёт. Обязательно придёт, — сказал Петрусь. — Мне пора. Мамке кланяйся... Надо привыкать, сестрёнка...



Она уткнула голову в его колени.

— Слышишь?.. Весна звенит. Скоро зелены займутся... — Петрусь умолк на мгновение, потом поднялся. — Мне пора, сестрёнка.

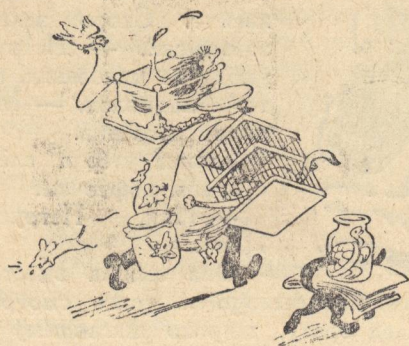
Еленка утёрла слёзы рукавом кофточки.

— Иди, Петрусь... Иди...

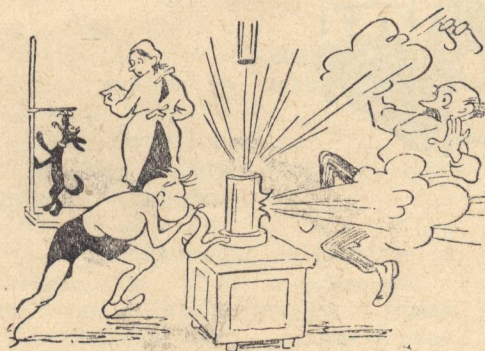
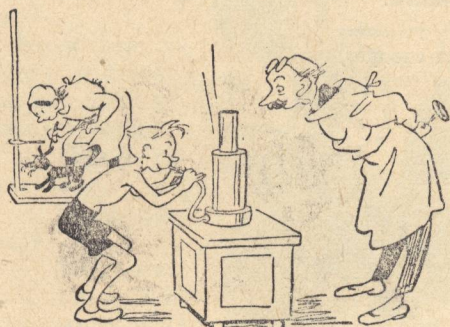
Она вышла вместе с ним на крыльцо и долго смотрела вслед брату, широко шагавшему по дороге с мешком и гармонью за плечами.

(Продолжение следует)





Перепуткин возвращается в школу

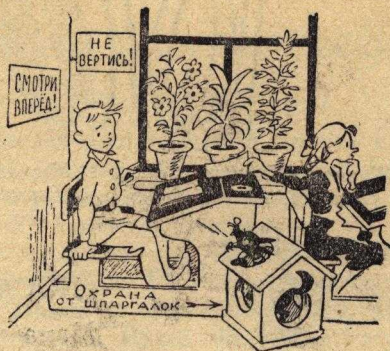


1. Сентябрь! Сентябрь!
На первый урок
Зовёт Перепуткина
Первый звонок.
Но где же Аркадий?
Найди его тут!
Две груды подарков
Куда-то идут.
Одна пребо́льшая,
В фуражке притом,
А груда другая
Вилляет хвостом.

2. Врачу на осмотре
Аркадий сказал:
— Вот так волейбольный
Я мяч надувал.
— Не плохо, — заметил
Внимательный врач.
— А так я футбольный
Накачивал мяч.

3. Аркадий с повязкой
Стоит у дверей:
— А ну-ка,
Показывай лапы скорей! —
Но Компасу, право,
Никак не постичь:
Что значит умыться
И ногти подстричь?

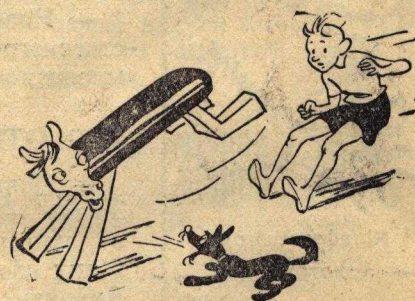
4. Совсем не случайно
Листочки тетради
Над партой своею
Повесил Аркадий.
Густыми цветами
Закрылось окно...
Учению мешать
Ничего не должно!



5. С Семёном Оплошкиным
Вышел конфуз:
— Смотрите!
Я вырастил этот арбуз! —
Смеётся Аркадий:
— В арбузе-то вырез!
Неужто он с вырезом этим
И вырос?



6. Был летом Аркадий
Знаком с пастухом
И ездил частенько
В ночное верхом.
Обуздывал он
Самых резвых коней,
Но справиться с этим
Намного трудней!



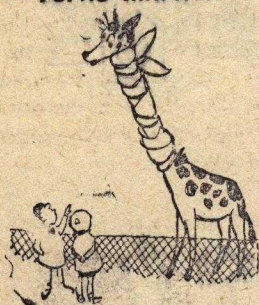
7. — Какая ошибка!
По летней привычке
Я принял за бабочку
Бант на косичке.



КОММУНИЗМ РАЗНЫХ СТРАН

Журнал «Пионер»
(Италия, Рим)

ГОРЛО ЖИРАФА



— Верно ли, что и у жирафа заболит горло, если он промочит себе ноги?

— Да, но только через неделю.



(С афганского)

— Охотник, охотник!

Когда ты стреляешь,

Скажи, для чего
Левый глаз
Закрываешь?

— Чудак!
Неужели не можешь

Понять?
Коль оба закрою,
Как буду
Стрелять?!

Н. САДОВЫЙ

Журнал «Юный пионер»
(Германская Демократическая Республика)

ПОСЛУШНЫЙ СЫН

Мама говорит сыну:

— Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Сынишка немедленно отвечает:

— Тогда разреши мне сегодня съесть остатки пирога.

ПОНЯЛ!..

Учитель в классе говорит:

— Итак, я вам только что разъяснил правило об единственном и множественном числе... Курт, ответь: единственного или множественного числа слово «штаны»?

Курт:

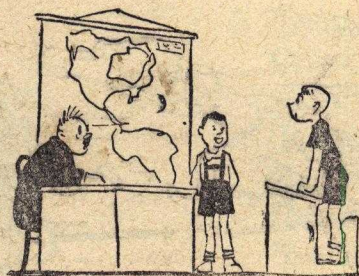
— Наверху штаны единственного числа, а внизу — множественного.

КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ

— Покажи мне Америку, Эмиль, — говорит учитель, а потом задаёт вопрос всему классу: — Кто открыл Америку?

Класс дружно отвечает:

— Эмиль!

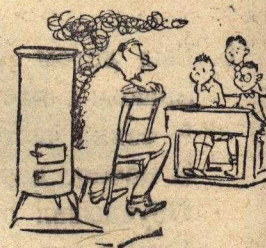


Рисунки Ю. Лобачёва

Журнал «Ваян»
(Франция, Париж)

ПОСПЕШНОСТЬ ВРЕДНА

— Надо всегда подумать, а потом говорить! — объясняет учитель. — Поспешность вредна. Если хочешь сказать что-нибудь важное, сосчитай прежде до 20, а если ты должен сообщить о чём-то необыкновенном, то считай до 100.



На следующий день учитель задал ребятам классную работу, а сам присел погреться у печки. Вдруг до его слуха доносится многоголосое бормотание, а затем внезапно весь класс кричит хором:

— 97... 98... 99... 100! Господин учитель, ваш пиджак загорелся!

НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО!

— У нас любой бегун, пробежав 30 километров, может прыгнуть и взять высоту в 1 метр 80 сантиметров!

— Что ж тут удивительного! После такого то разбега...

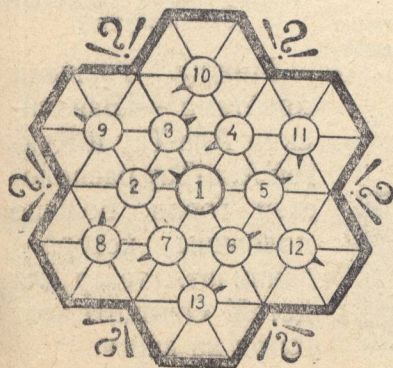
Перевёл Г. МАРЛЕЙ



КРОССВОРД «ШЕСТЬ БУКВ»

НАЧИНАЯ с отмеченных «клинышками» клеток, напишите в шестиугольники (по часовой стрелке) следующие слова:

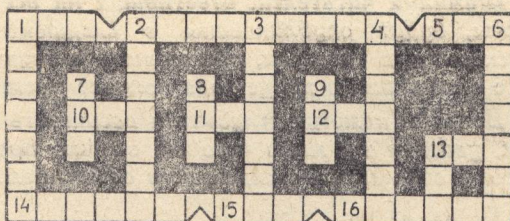
1. Жерло вулкана. 2. Английская спортивная игра, при которой мяч загоняется в ворота противника палкой. 3. Греческое название созвездия Большая Медведица (от него произошло слово «Арктика»). 4. Оружие, применяемое в фехтовании. 5. Десять тысяч квадратных метров. 6. Медный духовой музыкальный инструмент. 7. Аппарат, подающий звуковые сигналы с маяков, буев и судов во время тумана. 8. Сладкое блюдо. 9. Живущая в пещерах амфибия с глазами, заросшими кожей. 10. Морское животное, имеющее вид прозрачного, открытого с обоих концов бочоночка. 11. Серый медведь, обитатель глухих горных лесов Сев. Америки. 12. Игра с деревянными шарами. 13. Угол в $57^{\circ}17'44,8''$.



КРОССВОРД «ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ»

(Составил Володя Грязев)

По горизонтали. 1. Левый приток Енисея. 2. Областной центр Казахской ССР. 5. Река, берущая начало в Восточных Саянах. 10. Столица Башкирской АССР. 11. Приток Дона. 12. Город в Алма-Атинской области. 13. Река, стекающая со Средне-Русской возвышенности. 14. Порт-овый город на Волге. 15. Одна из рек, соединяющих 5 морей. 16. Река Восточной Сибири, на которой строится крупнейшая в мире гидроэлектростанция.



По вертикали. 1. Остров в Баренцовом море. 2. Город на реке Теша. 3. Один из городов в Московской области. 4. Областной город в РСФСР. 6. Столица союзной республики. 7. Город в Костромской области. 8. Правый приток Печоры. 9. Река, вытекающая из Телецкого озера. 13. Город на Сахалине.

ЧТО ЭТО?

В пути не встретишь, а в дороге найдёшь... В океане, в море, в озере, даже в болоте, увидишь, а в реке — никогда.

НА ДВЕ ЧАСТИ

Эту доску можно разрезать на две равные по величине и форме части, получив два экземпляра какой-то буквы русского алфавита... Попробуйте это сделать. (Задача имеет два решения).



1.

ЕСЛИ у больших башенных часов уходит тридцать секунд на то, чтобы отбить шесть ударов, то сколько времени эти часы будут отбивать двенадцать ударов?

2.

САМОЛЁТ пролетел от одного города до другого без посадки, делая 180 км в час. Обратный путь самолёт проделал в отрезок времени на полчаса меньший, также летя без посадки со скоростью 200 км в час. Определите расстояние между городами, делая только арифметические вычисления.

Между горными хребтами

(Задача-шутка)

Между горными хребтами — Заилийским Ала-Тау и Кунгей Ала-Тау расположен город, больше половины которого занимает... театр для детей! Отыщите этот город на карте.

В НАШЕМ клубе открывается новая страничка — уголок занимательного мироведения. Здесь будут помещаться вопросы, относящиеся к предметам, которым вы обучаетесь в школе. Чтобы правильно ответить на эти вопросы, вам придётся подумать, может быть, заглянуть в учебник или даже посоветоваться со старшими.

Фамилии читателей, ответивших на все наши вопросы, будут опубликованы в следующем номере «Искорки», а читатели, постоянно участвующие в работе странички, в конце года получают премии.

Вопросы помогут углубить и расширить ваши знания, увидеть то, мимо чего вы обычно проходите, — новое в старом и неожиданное в обыденном.


ПЕРВАЯ СЕРИЯ

1. В чайнике греется вода. Как можно ускорить её закипание, не увеличивая пламени и не убавляя воды?

2. Что весит больше — ты сам или воздух в комнате, где ты сейчас находишься?

3. Как легче умножить в уме целое число на 4?

4. Почему даже достаточно сухие дрова при горении трещат?

5. Когда ты видел такую луну —  — утром или вечером?

6. В какое время суток твоя тень наиболее короткая?

7. Время в любой момент на Дальнем Востоке больше или меньше, чем в Ленинграде? Почему?

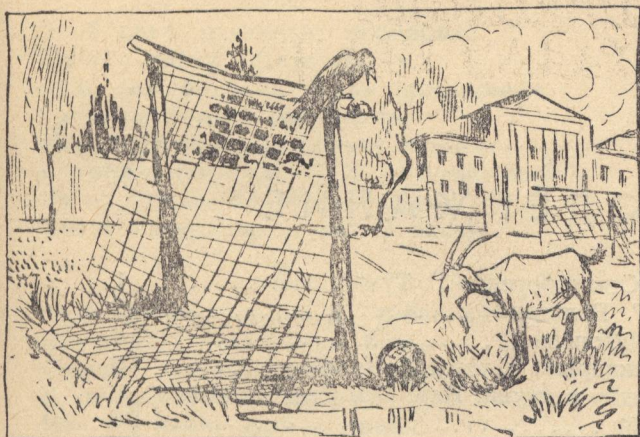
8. Насколько самый длинный день в году отличается от самого короткого (в Ленинграде)?

9. Многоступенчатая баллистическая ракета, испытание которой успешно проведено в СССР, может долететь до любого места земного шара. Какое наибольшее расстояние может она пролететь от места взлёта? Почему?



ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

(Составил А. Илючек)



Занятия в школе начались, опустел «стадион»... Один Сеня Оплошкин развлекается. Отыщите его.

ИЗ СТАРЫХ ЗАДАЧ

1.

Некто написал о себе следующее: «Всех пальцев у меня двадцать пять на одной руке, столько же на другой руке, да на обеих ногах десять».

Отчего он оказался таким уродом?

2.

Сколько ударов в сутки делают часы с боем?

3.

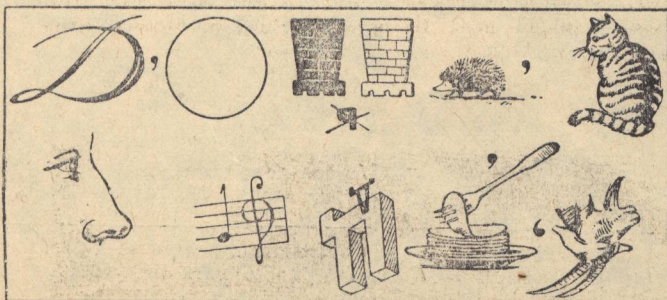
У меня нет карманных часов, а только стенные, которые как-то остановились. Я иду к своему знакомому, у которого часы идут верно, нахожусь у него некоторое время и, возвратившись домой, ставлю свои часы верно. Как я сделал это, если мне не было предварительно известно, сколько времени занимает дорога от меня до моего знакомого?

4.

Как вы думаете, есть в нашем городе люди с одинаковым числом волос на голове?

РЕБУС

Разгадав этот ребус, вы прочтёте индонезийскую пословицу.



Проверь себя

(Ответы к «Искорке»
№ 8)

ХОДОМ КОНЯ

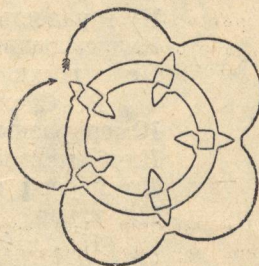
Мы за мир!
И песню эту
Пронесём, друзья,
по свету.
Пусть она в сердцах
людей звучит...

РЕБУС

В защиту мира
Вставайте, люди!
Ряды тесней,
Страна — к стране.

(Слова И. Френкеля
Музыка В. Белого)

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ



На рисунке показано,
как можно решить эту
задачу.

МАЛЕНЬКАЯ ВИКТОРИНА

1. «Р.В.С.»
2. Сцена в одном действии «Свадьба» (театрафист Ять)
3. Буква «Ф».
5. «Портрет».

СОДЕРЖАНИЕ

Трудовая осень. Стихотворение Г. Тумаринсона	1
Люля. Рассказ Г. Бальдыша	2
РУ. Поэма Г. Трифонова	14
Конец «дикой эскадры». Очерк Г. Князева	16
За роялем. Бабушки и внуки. Наш сад. Стихотворения М. Дубянской	26
Из рассказов бывалых людей. «Будё-ённый идё-ёт!». Воспоминания Н. Беляева	28
Мики и Марко. Рассказ Мих. Арсеньева	37
Капитан. Стихотворение В. Самсонова	44
Ну и радость у Катюши! Стихотворение В. Сулова ..	46
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	47
Перепуткин возвращается в школу. Л. Гаврилов и В. Сулов	58
Юмор разных стран	60
Клуб смекалистых ребят	61
На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева.	
На второй странице обложки — «Песня тимуровцев» Н. Агафонникова (текст на 3-й странице обложки).	
На четвёртой странице обложки — рисунок М. Бекташева.	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 17/IX. Подписано к печати 11/X-57 г. 4 печ. лист., 5,92 уч.-изд.
М-37612. Заказ № 1315. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ПЕСНЯ ТИМУРОВЦЕВ

1.

Чтоб стать отличным пионером,
Тимура славу заслужить, —
Будь сам во всех делах примерным,
Готовым подвиг совершить.
Наш труд идёт на пользу людям.
Вперёд — на подвиг! В добрый час!
За то, что мы работать любим,
Зовут тимуровцами нас (3 раза).

2.

Чуть грянет где-нибудь тревога,
Случится с кем-нибудь беда, —
Спешим мы тотчас на подмогу,
К труду готовые всегда.
Нам по плечу любое дело.
Любой мы выполним приказ.
За то, что трудимся умело,
Зовут тимуровцами нас (3 раза).

3.

На славу мы совсем не падки,
Но славят люди нас вокруг
За то, что там, где всё в порядке,
Видна работа наших рук.
Борьбу за новое со старым
Ведём мы дружно, не лентясь.
В селе и в городе не даром
Зовут тимуровцами нас (3 раза).

4.

Когда друзьям бывает туго, —
В команде мы тревогу бьём
И руку помощи друг другу
В беде немедленно подаём.
Мы не сдаём в борьбе ни шагу.
За чуткий слух и зоркий глаз,
За дружбу, верность и отвагу
Зовут тимуровцами нас (3 раза).



Цена 1 рубль

Смирнов



Что-то долго нет звонка...
Скушай яблочко пока!